

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валерий Ледник
Корона Эридана

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Ледник В. А.

Корона Эридана / В. А. Ледник — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Книга посвящена Полоцкому княжеству. Повествование в ней идёт от имени главного героя – полоцкого дружинника и волколака Светозара, принадлежащего к древнему народу неврам. Светозар попадает на службу к полоцкому князю Всеславу Брячиславовичу, считавшемуся на Руси оборотнем, а затем к его сыновьям. Глазами полоцкого дружинника читатель пройдёт по следам некогда могучего Хазарского каганата, побывает в Византии периода «Комниновского возрождения» и в процветающем Тмутараканском княжестве. В оформлении обложки использовано изображение "Корона Эридана". Автор Каржицкая Н.Н. Содержит нецензурную брань.

Содержание

От автора	5
Часть I. Золотой век	6
Вступление	6
Глава 1. Народ волколаков	8
Глава 2. Духовное основание Полоцка	13
Глава 3. Авантюра	24
1	24
2	28
Глава 4. Ведьма	30
Глава 5. Триумф или крах?	32
1	32
2	37
Глава 6. Река Немига – слёзы Полотчины	44
1	44
2	47
3	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

От автора

Дорогой читатель, книга «Корона Эридана» посвящена «Полоцкому княжеству», достаточно известному государственному образованию.

Повествование в ней идёт от имени главного героя – полоцкого дружинника и волколака Светозара, принадлежащего к древнему народу «невров». Светозар попадает на службу к полоцкому князю Всеславу Брючиславовичу, считавшемуся на Руси оборотнем, а затем к его сыновьям. Разделяя все взлёты и неудачи Полоцкого княжества, волколак участвует в попытке Всеславичей завоевать племена балтийского побережья, а после отправляется с ними в ссылку в Византию.

Вместе с главным героем читатель станет свидетелем грандиозных баталий на Руси и посетит исчезнувшие ныне народы и города. Глазами полоцкого дружинника он пройдёт по следам некогда могучего Хазарского каганата, побывает в Византии периода «Комниновского возрождения» и в процветающем Тмутараканском княжестве. Читатель окунётся в атмосферу полоцких владений в Прибалтике – жизни крепостей Герцике и Кукенойса.

Абсолютное большинство персонажей произведения являются реальными историческими личностями и современниками описываемых событий. Несмотря на значительные художественные отступления, автор старался придерживаться подлинной хронологии событий,

попробовав сплести нити судеб куршских пиратов и византийцев, хеттского полководца и племени Водь, померанской княгини и египетской царицы, создав вокруг Полоцка оригинальный узор духа времени.

Автор лишь надеется, что эта книга будет не только увлекательной для ознакомления, но и даст читателю пищу для размышлений.

В конце книги помещён словарь с историческими терминами.

Часть I. Золотой век

Вступление

Я был ещё ребёнком, когда наша семья собралась отправиться в Полоцк. Решение о переезде было не простым для отца, но мать поддержала мужа; она всегда выступала на его стороне. Умение создать в доме уют и атмосферу понимания относились к достоинствам моей матери, и какие бы тяжёлые годы не были, она являлась опорой для отца.

В ночь перед странствием я не мог уснуть, воображая себе приключения, которые ожидали меня и родителей в пугающем, но таком манящем путешествии. Однако реальность оказалась не столь радужной, как я себе представлял, впереди ожидала трудная дорога, полная тягот и лишений.

То и дело нам приходилось пробираться заросшими лесными тропами или просить попадающихся рыбаков перевезти через реку. На дворе была весна, и ноги постоянно вязли в размокшей глине, но вместе с тем воздух пьянил неповторимым дурманящим запахом пробудившейся от ледяного сна природы. Солнечные лучи отражались в тысячах сияющих ручьёв, озаряющих окружающий мир мириадами проблесков. Слово побеждая ночь, дни становились длиннее, природа ярче, и мои отец и мать надеялись на перемены к лучшему после прибытия в Полоцк.

Встречные жители были не рады нагрывавшим невесть откуда чужакам, да и заплатить за ночёвку мы не имели возможности, но нас принимали и угощали в случае необходимости. Таковыми являлись традиции. Кроме того, в те времена за пределами городов был ещё силён страх перед языческим богом Перуном. Как считалось, бог Перун бродит по земле в облике нищего путника, может постучать в любую избу и жестоко покарать негостеприимных хозяев.

Тогда в скитаниях я побывал во многих жилищах, видел разных людей и узнал различные судьбы. Особенно меня воодушевил один из домов, где ютились крестьянин с женой и двумя дочерьми. Старшую из дочерей звали Дарина. Это была молодая, стройная и симпатичная девушка с русыми волосами и большими яркими зелёными очами. Я заглянул в горницу, и, посмотрев на меня, пятилетнего, но серьёзного мальчишку, Дарина улыбнулась. Её жизнерадостность притягивала. Последнее, что я о ней помню, – как Дарина принесла в дом ветки распустившейся вербы и, легонько ударив меня одной из них по плечу, звонко засмеялась, а затем поставила ветки в воду. Я и сейчас несу те дни с теплотой в сердце, а образ Дарины, красивой девушки с вербой в руках, стал для меня символом обновления и нового этапа в моей жизни.

Мы добрались до рубежей, где было много озёр. Такое скопление сверкающих озёр нас удивило. Этот край отличался спокойствием и размеренностью, а люди здесь, как мне показалось, были необычайно приветливы. На холме мы заметили бревенчатые укрепления. От прохожих отец узнал, что это Браслав – пограничная крепость Полоцкого княжества, в которой служит гарнизон из варягов.

– Наконец-то мы в Полоцком княжестве, скоро будем в Полоцке, – вздохнув, сказал отец.

Задумав устроиться на ночлег, мы направились к ближайшему селению и наткнулись на скандинава. Я впервые узрел варяга, и он меня поразил. Скандинав был воином огромного роста, с суровым взглядом, сам закованный в звенящие доспехи и вооружённый внушительным мечом. Варяг шёл очень уверенно, даже несколько нагло, будто чувствуя себя правителем этих земель. Его грозный вид словно давал понять, что мы зашли во владения могучей военной державы.

На ночь нас взял к себе крестьянин из местного погоста. Он был невысоким, широким в плечах и выглядел лет на сорок. Хозяин провёл нас в своё жилище, где мы познакомились с его

женой, тучной, но добродушной женщиной того же возраста, детей у них не было. Вытянутый дом с двухскатной крышей стоял чуть в отдалении от других изб. Браславчанин пояснил нам, что у него часто останавливаются купцы, поскольку рядом тянется крупный торговый путь, и в этих краях купцы перетаскивают между реками корабли по суше.

Несмотря на проходивший неподалёку оживлённый маршрут, тишина этих земель завораживала. Нам хотелось скорее поесть и приютиться спать с дороги в таких чудесных местах. Хозяин нас сытно покормил и развлекал историями, услышанными от странников, гостивших у него. Отец задержал свой взгляд на статуэтках людей, птиц и зверей, находившихся в избе радушного крестьянина, и взял одну из них в руки. Это была фигурка рыбака, и после её осмотра, хорошее настроение отца будто испарилось.

– Из чего это сделано? – нахмурившись, спросил отец.

– Я мастерю статуэтки из кости добытых мною на охоте животных, – с улыбкой ответил браславчанин.

Дело вполне обычное, многие тогда резали предметы из дерева и кости, но оставшуюся часть застолья отец пребывал очень серьёзным.

Наконец крестьянин устроил нас на ночлег.

– Будь начеку, мне не нравится этот дом, – шепнул отец моей матери.

Сам он обосновался у двери, а нас разместил около стены.

От слов отца я почувствовал страх. В полудрёме мы лежали несколько часов. Внезапно к нам в горницу прокрался хозяин жилища с ножом, от его шагов по моей спине пробежала дрожь. И вдруг отец открыл очи и набросился на него.

– Этого не может быть! Я же подсыпал вам в еду порошки, люди от них моментально засыпают! – воскликнул браславчанин.

– Так значит, фигурки из убитых лесных зверей? Я сразу же понял по запаху, что это человеческая кость! – закричал отец, выворачивая вооружённую кисть хозяина избы.

– Кто ты такой? – боязливо промолвил крестьянин.

– Я тот, кто несёт тебе смерть! Ты думал, что ты сегодня охотник? Нет, ты дичь! – усмехнувшись, произнёс отец.

После этого стало происходить что-то невероятное для браславчанина. Отец спокойно и с улыбкой вынул из дрожащего кулака противника нож, потом отца затрясло, его голова и конечности начали покрываться шерстью и менять свою форму. Вскоре чудовище с волчьей мордой и чем-то средним между руками и лапами поднялось перед забившимся в угол от ужаса крестьянином.

Тут к нам с жутким визгом вломилась его жена с ухватом. С её появлением монстр растерялся. Но, увидев костяной кулон, надетый на её шее, и разобрав испуганные вопли моей матери, он резко оскалится и одним ударом лапы разбил хозяйке голову о стену, а затем накинулся на браславчанина и перегрыз ему глотку. После этого отец принял человеческий облик, но какое-то время он сидел, неподвижно уставившись в пол, всё его тело лихорадило, а очи сверкали безумием. Тогда мать обняла отца и повелела мне срочно собирать вещи. Перед уходом мои родители подожгли дом. Шум пожара и яркий отблеск пламени ворвались в тишину здешних мест.

Мы снова были в бегах, но предчувствие перемен к лучшему становилось всё сильнее по мере приближения к Полоцку.

Глава 1. Народ волколаков

Отец упоминал, что наши предки – народ невра – испокон веков обитали на берегах рек Наура и Припять, и так же, как и окружающие племена, занимались земледелием и скотоводством, а в свободное от домашнего хозяйства время охотились и ловили рыбу. Но невра наводили трепет на соседей, так как в отличие от них умели превращаться в волков. Особенно долго в виде хищников они могли оставаться в период полных фаз Луны. Именно Луна была своеобразной волчьей звездой, она влияет на всё живое, морские приливы и отливы – это лишь наиболее заметные её проявления. Поведение водных существ, мир растений и сообществ зверей – всё подвластно Луне, свет Луны и её сила покровительствовали моему народу.

Старейшины помнили, что наш народ пришёл с берегов реки Вислы, покинув родину из-за бесконечных столкновений с неисчислимыми чужаками, которые поклонялись змеям и хоронили сородичей в глиняных урнах с изображениями человеческих лиц.

Волколаки сражались храбро, но врагов было слишком много, вскоре встал вопрос существования и предки отправились на поиски лучшей судьбы. Поднявшись по реке Науре, сегодня величаемой Нарев, они обосновались на берегах Припяти.

В период странствий, в Константинополе, я узнал, что о моём народе упоминал ещё греческий историк Геродот. Во время своего путешествия в Великую Скифию, Геродот слышал о стране Невриде и населявшем её племени, обитающем в районе Припяти и состоящем в военном союзе со скифами. Проводники уверяли Геродота, что невра могли оборачиваться волками.

Соседи называли моих праотцов неврами или неврами, от имени реки Наура, с которой предки пришли во владения скифов.

Жизнь невра была прекрасна, в их женщинах присутствовала красота и стройность, а в мужчинах сила и смелость. Они совместно возделывали землю яркими солнечными днями, а ночью парни с девушками обнимались на побережье Припяти, любясь отражением звёздного неба и луны в речных заводях, или танцевали и пели древние песни, озаряемые пламенем костров.

Способность становиться хищниками позволяла иногда охотиться стаей, отец рассказывал что это неопишное чувство – когда ты загоняешь жертву, ощущая тепло и дыхание близких и добычи. А более развитое обоняние и слух, в облике зверя, помогали лучше изучить пущу и различить невероятно красивую мелодию леса, сливающуюся с ритмом сердец братьев, бьющихся в одном порыве, встраиваясь во взаимосвязь всех живых существ между собой и с луной, освещающей целую Вселенную звуков и ароматов, воплотившуюся в ночном бору.

Эти мелодии невра играли в полях, когда пасли скот, возле огромных курганов, в которых покоились их цари. Мой народ пребывал в гармонии с природой и окружающим миром, однако этому не суждено было длиться вечно.

Соседние племена ненавидели моих предков, и если у них пропадали люди или утаскивали овец, были неурожай или болезни – во всём этом винили невра, немногочисленный, но отважный народ. И когда вспыхнула новая война племён и все были вынуждены бороться за родной край, недруги объединились и перебили большинство невра. Чудом спасшиеся счастливики бросили собственные дома и скрылись в чаще.

С тех пор наступила пора позорного бегства и унижений. Как только крестьяне обнаруживали, что рядом с ними находятся волколаки, они пытались прогнать или уничтожить их. Слухи о князе-волке привели отца к мысли, что это может быть правдой. А если полоцкий князь Всеслав действительно невр, то, возможно, он возьмёт моего отца и его семью к себе на службу.

К тому моменту охотники уже ловили нашу семью для расправы. Казалось, со дня на день они нас найдут.

– Мы не дикие звери, чтобы прятаться в лесу и ждать облавы, нужно идти в Полоцк! – сказал отец.

Уже отойдя с вещами по тропе, мы заметили столб дыма, поднимающийся над соснами – это охотники подожгли нашу избу. Так и начался мой нелёгкий путь.

Город Полоцк был на пике могущества, Полоцкое княжество процветало за счёт очень прибыльного торгового пути «из варяг в греки», связывающего Западный мир с блистательной Византийской империей. Полоцк встретил нас шумной суетой, никто не обращал на меня и родителей никакого внимания, город всегда был полон гостей: иностранных купцов, наёмников варягов, послов прибалтийских племён. Придя в Полоцк, мы застали строительство Софийского собора, храма столь грандиозного, какого мне и отцу ещё не приходилось видеть. Даже незаконченный, он поражал воображение своими масштабами и богатством. Юго-западная башня Софийского собора являлась внешними солнечными часами, за счёт сложно устроенных оконных проёмов под её куполом. На фресках полоцкого храма с астрономической точностью были изображены на разной высоте зодиакальные знаки, для наблюдения за перемещением солнца по небосводу в течение года. Свет попадал на определённый знак только тогда, когда солнце находилось в соответствующем ему созвездии. Руководили работами зодчие-греки. Специалистов из Византийской империи пригласил полоцкий князь Всеслав, чтобы не уступать соседним крупным городам – Киеву и Новгороду, в которых также возводились Софийские соборы.

Не менее величественным, чем город и храм, мне показался и сам князь Всеслав. Он принял нас в громадном ясеневом тереме.

Облик князя был частью блеска Полоцка. Всеслав был одет в длинный плащ из красного бархата – корзно. Плащ удерживался на правом плече золотой фибулой в форме головы волка, с изумрудами вместо очей, из-под корзно виднелась зелёная рубаха, её рукава и воротник были обшиты шёлковой лентой, с отделкой из золотой нити и жемчуга. Шёлковые штаны князя были коричневого цвета с вышитыми на штанинах двумя золотыми грифонами, обут Всеслав был в зелёные сапоги. И плащ, и обувь князя украшали растительные узоры золотой нити. На его голове была полусферическая шапка малахитового оттенка с ободком из соболиного меха.

Но при встрече с Всеславом поражали не только роскошные одеяния. Ещё молодой, князь имел суровые черты лица, словно дополняемые холодными серыми очами с очень тяжёлым взглядом, видимо, доставшимся Всеславу в наследство от его предков-викингов.

В народе толковали, что отец Всеслава обращался за помощью к ведьме, когда у его беременной жены были проблемы со здоровьем, после чего возникла легенда о появлении Всеслава с участием тёмных сил. Эти разговоры как будто подтверждались тем, что Всеслав родился с небольшим пятном в форме полумесяца на челе. Ведьма объявила необычное пятно признаком избранности и посоветовала прятать его от людских очей.

Князь был высокого роста, и на плечах его корзно покрывали длинные русые волосы.

Всеслав сидел задумавшись, не обращая никакого внимания на вошедших к нему отца и меня с матерью. Но, несмотря на спокойствие князя, во всём ощущалась гнетущая обстановка под влиянием грозного вида Всеслава. Я же не мог оторваться от золотой звероподобной фибулы князя, детали, лишь подчёркивающей напряжённую атмосферу в покоях.

Всеслав был правителем огромной могущественной державы, чьи владения раскинулись на сотни вёрст, от прибалтийских крепостей Кукенойс и Герцике до окрестностей города Менска. Конечно, у столь значительного князя, как Всеслав, было множество своих забот.

Впоследствии отец вспоминал, что, когда молчаливые дружинники ввели его с семьёй в терем, и он очутился перед лицом отрешённого князя, у него внезапно ослабели и затряслись ноги, язык онемел и сердце начало бешено колотиться.

– Мне передали, что у тебя есть какие-то важные новости из Киева, – гулко и жёстко произнёс Всеслав, даже не посмотрев на моего отца.

– Простите меня, ваша светлость, это был лишь повод, чтобы с вами встретиться, – дрожащим голосом сказал отец.

– Вот как? Это уже интересно. Тогда объясни мне, калека перехожий, почему ты желал меня увидеть? – раздражённо спросил князь и перешёл на крик: – Для чего ты отвлек меня от дел?

– Я хотел попроситься к вашей светлости на службу, – запинаясь, ответил отец.

– Неужели? И зачем ты мне нужен, нищий поберушка? – уже с издёвкой произнёс Всеслав.

– Я, моя жена и мой сын – мы потомственные волколаки, – обречённо, полушёпотом сказал отец так, чтобы его услышал только князь.

И тут Всеслав изменился в лице, он приказал охране удалиться из покоев, оставив лишь одного воина по имени Ратимир. Затем князь обошёл отца и меня с матерью и прислонился к дверям в сопровождении Ратимира. Всеслав нас не боялся, но даже в случае неожиданного развития событий, князь стоял у дверей, открывавшихся наружу, а за ними была дружина.

– Чем ты можешь подтвердить, что ты оборотень? – спросил князь, наконец подняв взгляд на нас.

Но мой отец оторопел, от переживаний его прошиб пот, видимо, он хотел что-то объяснить, но вместо слов послышались лишь невнятные звуки дрожащего голоса. Тут молвил дружинник Ратимир:

– Ваша светлость, вы перепугали их до смерти, посмотрите на этого бедолагу, – и Ратимир с усмешкой указал на отца, – он не может вам ответить, как бы он сейчас вообще сознание не потерял.

От слов Ратимира Всеслав улыбнулся, и угнетающая обстановка в тереме словно начала рассеиваться.

– Как же мне это надоело, какими все стали слабаками. Невинному не нужно страшишься вопросов власти, – устало вздохнув, сказал князь.

– А честная власть тоже не должна бояться вопросов подданных? – с ухмылкой спросил Ратимир.

– Запомни Ратимир: власть несправедлива по своей природе, она замешена на крови и жестокости или на предательстве, поэтому честной власти нигде и никогда не бывает! Недаром даже отличившихся перед церковью правителей выделили в обособленный лик святых – благоверных. А теперь быстро приведи нашего незваного гостя в чувство, – уже суровым тоном произнёс Всеслав.

– Успокойся и соберись, у князя мало времени, и он не любит людей лживых и всяких шарлатанов, твоё заявление очень странное. Способен ли ты доказать, что ты волколак, подумай, от этого зависит ваша судьба, – достаточно дружелюбно, но серьёзно сказал Ратимир.

– Хорошо, я покажу! – всё ещё с волнением, но уже внятно произнёс отец.

Его затрясло, в судорогах отец упал и принялся кататься по полу, его руки и голова вытянулись и покрылись шерстью, через мгновение он превратился в огромного серого волка, к изумлению князя и Ратимира. От такого зрелища Всеслав машинально схватился за рукоять своего меча. Затем волк лёг на землю, и после конвульсий отец снова перекинулся в человека, начав суетливо надевать на себя одежду.

– Я слышал, что вы, ваша светлость, также умеете становиться зверем? – осмелился спросить у ошарашенного князя отец.

– Это не твоё дело, и впредь не обращай ко мне с подобными вопросами, если хочешь жить. Но поскольку это в моих интересах, я тебе отвечу, что это правда. Я превращался в волка лишь пару раз, и то по глупости и молодости. И больше я не собираюсь этого делать никогда.

На Руси и так ходят пересуды, но пока это лишь слухи, а вот если появятся свидетели, у меня и у моей семьи будет масса проблем. И ты, поберушка, будешь молчать о нашем разговоре, иначе я расправлюсь с тобой.

Следом за угрозами князя, отец покорно поклонился, а Всеслав продолжил:

– Раз уж передо мной чистокровный волколак, то и я задам тебе пару вопросов.

– Конечно, ваша светлость!

– Известно ли тебе, откуда вы взялись? Это проклятие или нечто другое? Есть поверье, что оборотни живут дольше людей, но я старею, как обычный человек, что ты ведаешь об этом?

– Светлейший князь, волколаки – это представители древнего народа неуров, ныне почти исчезнувшего и забытого. У моих предков была легенда про наше возникновение. Если ваша светлость пожелает, я могу её рассказать, – произнёс отец.

– Приступай! – рявкнул Всеслав, переглянувшись с озадаченным Ратимиром.

– Седые мудрецы утверждали, что когда-то давно в соседних селениях были влюблённые парень и девушка, которых звали Линас и Гражина, они хотели пожениться. Но Линас был беден, и семья Гражины выступала против их брака.

Однажды к девушке посватался богатый пожилой чародей Юргис, и отец Гражины, вопреки её мольбам, отправил дочь в дом колдуна. Узнав об участии любимой, Линас не растерялся и с товарищами выкрал Гражину за неделю до свадьбы. Линас и Гражина укрылись в лесу и решили, что там же, в роще, и проведут церемонию, и тогда чародей от них отстанет, а отец суженой рано или поздно их простит.

В день, когда на солнечной поляне влюблённые играли свадьбу, пригласив своих друзей и близких, к ним явился колдун. Различив Юргиса, Линас взялся за оружие, готовый до смерти защищать любимую. Но маг не собирался сражаться, приблизившись к праздничному столу, Юргис произнёс обращаясь к Гражине:

– Из-за характера, молодости и страсти ты не понимаешь, кому ты по-настоящему дорога! Предав меня, ты хочешь быть с разбойниками, и я тебя не буду удерживать! – затем чародей повернулся к Линасу и продолжил: – Вы выкрали мою невесту и забрали её в лес, словно волки добычу, так зверями и оставайтесь!

Проговорив эти слова, Юргис перебрал через стол волчью шкуру, и Линас с Гражиной, вместе со всеми гостями, превратились в волков, а колдун пропал. Долго молодожёны и их приятели скитались в облике зверей. Они проходили через селения и капища различных божеств, но их отовсюду прогоняли, и лишь жрица богини лесов Медейны, как только увидела эту стаю, сразу всё поняла. Жрица сказала им:

– Вы волки, а бродите как потерявшийся домашний скот, проявите же отвагу. Скоро будет полнолуние, и вам нужно в этот день найти шкуру, забытую чародеем. Затем вам надобно убить колдуна и сжечь шкуру до темноты. Только тогда вы снова станете людьми.

Линас с друзьями так и сделал, отыскал волчью шкуру, выследил мага и напал на его дом ранним утром. Но Юргис кинулся бежать, и стая гналась за ним до заката.

Поздним вечером, валяясь израненным на земле, Юргис смеялся над ними:

– Думаете теперь всё закончится? Нет, в наших краях день короток и вы опоздали!

Вслед за гибелью чародея, Линас и Гражина с товарищами приняли прежний облик, однако спалить шкуру до наступления ночи они не успели. Под светом луны она рассыпалась в сверкающую пыль, которую разнёс ветер. После её исчезновения у Линаса с Гражиной и их близких открылась способность оборачиваться волками по своей воле. Кроме того, вскоре они заметили, что дряхлеют медленнее окружающих. Так появились первые волколаки.

Что касается вашего старения, светлейший князь, это, видимо, связано с тем, что в вас кровь невра разбавлена человеческой, о подобных случаях мне рассказывали мои сородичи, – уже спокойно сказал отец.

– Интересная языческая байка. Так что тебя привело в Полоцк? – спросил Всеслав.

– Светлейший князь, на меня и мою семью постоянно устраивают облавы, мы вынуждены либо жить в лесной глуши, либо в страхе, и мы бы хотели поселиться в Полоцке и выполнять ваши поручения.

В тереме установилась тишина, полоцкий князь задумался, наверное Всеслава терзали сомнения, как с нами поступить. Князь посмотрел на меня и мать, наша семья имела жалкий вид, на лице моей матери читались отчаяние и безысходность, отец стоял в ожидании, опустив голову перед Всеславом.

– Как зовут тебя и твоих родных? – наконец, нарушив молчание, спросил князь.

– Меня величают Гориславом, мою жену Снежаной, а имя сына – Светозар, – ответил отец.

– Подойди ко мне, Светозар! – произнёс князь.

Я шагнул к Всеславу, князь положил мне руку на плечо и сказал с улыбкой: – Крепкий у тебя сын, ну что, Светозар, будешь служить мне и моим потомкам?

– Да, ваша светлость! – громко ответил я.

– Ладно, Горислав, сегодня я потратил слишком много времени, выслушивая твои сказки. Язык у тебя подвешен, я принимаю вас на службу, Ратимир покажет вам дом, где ты с семьёй можешь остановиться, но вы не должны как дикие звери носиться волками по городу, и не трогайте местный скот, не говоря уже о людях, и вообще, полочанам старайтесь попадаться на очи как можно реже. Если что-нибудь учините по глупости, то и я не смогу помочь, с вами расправится церковь.

Глава 2. Духовное основание Полоцка

Ратимир поселил нас в небольшом деревянном доме на окраине города так, что лес находился в нескольких десятках кладочных саженой от избы. Такое расположение дома было весьма кстати, в любой момент, в случае опасности, мы могли спрятаться. Отцу стали платить приличное жалование, и он купил матери дорогие ткани, украшения с серебряными фигурками, стеклянные браслеты и обувь, покрытую узорами. Мать была счастлива, наконец-то покой и достаток составили наш быт. Для меня отец мастерил игрушки, ходил со мной на охоту и брал с собой к купцам.

Я быстро подружился с местной детворой, в этот период моя жизнь была беззаботной. Вспоминая детство, я понимаю, что в традициях суровых полочан даже ребяческие забавы тренировали силу и ловкость и приучали мальчишек к обыденности смерти.

Так, например, игра в «ножечки», когда нож метали в землю и в цель, формировала навык обращения с холодным оружием.

Владение своим телом развивало «падение на живот». Смысл забавы был в том, чтобы опуститься на колени, а ладони сложить за поясницей и в этом положении рухнуть вперёд, не раскладывая рук. Главным было приземлиться так, чтобы не разбить лицо. Равновесие и терпение упражняло также шагание на самодельных ходулях.

Яркое впечатление у меня было от игры в «покойника»: один ребёнок ложился на спину, как мертвец, скрещивая руки на груди и закрывая очи. После обступившие запевали хором:

– Умер почивший во вторник, пришли девки хоронить, а он уже глядит, сидит, стоит, бежит!

При последних словах, выбранный поначалу открывал очи, затем усаживался, потом поднимался на ноги и бросался вдогонку за окружающими, до кого «покойник» дотрагивался, тот занимал его место.

Со сверстниками я часто выбирался к Двине и наблюдал за прибытием кораблей в порт с самыми разнообразными товарами. Речь далёких и близких народов разносилась над полоцкими берегами.

Отец занимался торговыми сделками от имени князя. Пару раз его отправляли в Новгород, где он от информаторов Всеслава узнавал придворные новгородские новости.

Вскоре отец обратил внимание, что полоцкий знак, символизирующий власть рода Рюриковичей – трезубец, отличается от знаков других городов Руси. На нём центральный зубец заканчивался крестом. Кроме того, Полоцк имел своё оригинальное знамя, на котором был воин, сидящий на коне в доспехах, развёрнутый в правую сторону и держащий в правой руке меч, поднятый лезвием вверх.

Отцу стало интересно, кто изображён на этом знамени, и на очередной пирушке у князя он спросил об этом Ратимира.

– Это долгая история, на нём вышит святой Тимофей, – немного сбивчиво и добродушно сказал Ратимир.

Такой ответ лишь подогрел любопытство отца.

– Поведай мне про Тимофея, кто он такой? – попросил отец Ратимира.

– Может для вас, волколаков, ночь – это время для бесед, а я за сегодня порядком устал и хочу спать, как-нибудь в другой раз!

– У меня дома есть вино для особых гостей, идём ко мне, ещё посидим и выпьем, – произнёс отец.

– Вино, говоришь, что ж, ты настойчив, ладно, посмотрим на твоё логово! – с улыбкой ответил Ратимир.

Пришедшие в нашу избу отец с Ратимиром, разбудили меня и мать, они долго обсуждали недавние события, а я, затаив дыхание, слушал их разговор. Наконец, уже изрядно пьяный Ратимир взялся за повествование про святого Тимофея и знамя Всеслава:

– Как я уже упоминал, на штандарте изображён святой Тимофей, его настоящее имя было Торвальд Кодранссон, а прозвище Путешественник. Это великий человек, и возрождение могущественного города Полоцка, существующего сегодня, во многом его заслуга.

Рассказ о Торвальде я начну с далёкой горной Исландии, страны, где месяцами солнце почти не показывается из-за горизонта, а ужасная погода в течение дня постоянно меняется, причём к худшему. Благодаря этому местные люди умеют, как никто другой, ценить красоту природы. Торвальд родился в семье богатого землевладельца Конрада, у которого было два сына. Старшего из них звали Орм, а младшим был Торвальд. Конрад всё внимание уделял Орму, в то время как Торвальда заставляли делать всю грязную и трудную работу и находиться в намного более скверных условиях, чем его брат. Жена Конрада – Ярнгерд, умерла при родах Торвальда, и все считали, что Конрад винил его в этом.

Но тяжёлые обстоятельства лишь закалили молодого Торвальда, внемлющего песням скальдов, и грезившего о далёких странах и подвигах. Соседям Конрада не нравился заносчивый Орм, они больше любили скромного Торвальда.

Однажды на пир к Конраду пригласили известную ведьму и предсказательницу по имени Тордис. Увидев разное обращение Конрада с сыновьями, Тордис посоветовала Конраду относиться лучше к Торвальду, так как, по её словам, из двух братьев именно Торвальду суждено было быть знаменитым.

Конрад спросил у ведьмы, как поступить с Торвальдом.

– Дай ему денег и пришли его ко мне, на пару лет он поселится у меня, а затем поедет на поиски своей судьбы, – сказала Тордис.

Подвыпивший Конрад, будучи в хорошем настроении, согласился и принёс ведьме мешок, набитый серебром.

– Такие средства не годятся, они отобраны у людей в походе, на них кровь! Честный человек, что будет вести праведную жизнь, не может начинать с них! – пояснила Тордис.

Тогда Конрад достал другой кошель, но и его ведьма отвергла, а на недовольство Конрада ответила:

– Эти деньги ты собрал, повысив налоги на крестьян, и они пропитаны чужими страданиями и проклятиями.

Уже обозлённый Конрад кинул Тордис третий куль, и ведьма, вытряхнув его содержимое, взяла лишь три монеты.

– Они получены в наследство от твоего отца, Конрад, и на них нет зла. Торвальду хватит, – с хитрой улыбкой произнесла Тордис.

Ранним утром Конрад разбудил Торвальда с напутствиями в дорогу.

– Наверное ты думаешь, что я ненавижу тебя из-за смерти жены, но это не так. Ты напоминал мне о Ярнгерд, я всегда знал, что однажды ты покинешь наш дом и прославишься. Поэтому я старался тебя подготовить к будущим испытаниям. Пришёл час уйти, ты вырос стойким и сильным, теперь я за тебя спокоен. И у меня есть прощальный подарок, – сказал Конрад и вручил Торвальду свой боевой топор.

От речи отца Торвальд прослезился, он и мечтать не мог, что топор Конрада – бесценная семейная реликвия – достанется ему, а не его брату Орму.

После Торвальд переехал к Тордис, где должники ведьмы обучили его искусно сражаться мечом и копьём. В Исландии жили потомки норвежской знати, и они разбирались в военном искусстве. Через два года тренировок Тордис дала Торвальду три серебряные монеты и отправила его в путь.

Торвальд странствовал по соседним королевствам, но не мог найти себе подходящего занятия. И в конце концов физически крепкий Торвальд нанялся к датскому принцу Свейну Вилобородому. В дерзких грабительских набегах Свейна тогда участвовала вся скандинавская элита. Но даже среди лучших норманнских воинов Торвальд быстро выделился. Он рубился очень отважно, и за Торвальдом закрепилась репутация непобедимого бойца, а вскоре он оказался приближённым конунга Свейна.

За проявленный в боях героизм дружинники Свейна часто давали Торвальду, первому после принца, брать себе часть из добычи. Женщин, богатств, слуг – всего у Торвальда было в достатке. Но уже тогда стали проявляться его моральные качества. Пользуясь своим правом, Торвальд оставлял себе предметы, имевшие большую духовную ценность, и отдавал их прежним владельцам. Он также выкупал самых благородных из пленников и отпускал их.

Так Торвальд поступил и с баронессой по имени Вероника. Неотразимую красавицу, шатенку с сияющими голубыми глазами, нашли на немецком корабле. Предвидя свою судьбу, Вероника расположилась за лежащим на палубе тараном и отмахивалась кинжалом до последнего, чем сильно позабавила норманнов. Моряки Свейна изорвали на ней одежду, а когда игра им наскучила, один из них оглушил баронессу. Под смех воинов, хрупкая девушка беспомощно рухнула, выронив кинжал. И тогда Торвальд выступил вперёд, схватил обидчика Вероники, и прежде, чем тот понял, что происходит, вышвырнул его за борт. К удивлению викингов, Торвальд укрыл девушку плащом и с оружием в руках стал на её защиту.

– Убирайтесь прочь, она мой трофей! – закричал Торвальд, и в его очах сверкнуло безумие. Скандинавы отступили, вызов Торвальду не бросил никто. Потом он освободил Веронику, но баронесса влюбилась в Торвальда и пожелала остаться с ним. Против этого Торвальд не особо возражал, и спустя время он всем сердцем ответил ей взаимностью. Торвальд был старше её на пять лет.

Конунг Свейн Вилобородый очень уважал Торвальда и не вмешивался в его причуды. Вскоре слава о блистательном воине Торвальде загрела по всей Европе.

– Это всё интересно, Ратимир, но какое отношение Торвальд имеет к Полоцку? – вздохнув спросил отец, подливая себе в кубок вино.

– Погоди, Горислав, не перебивай, дойду и до Полоцка. Так вот, по завершении многолетней службы у Свейна Вилобородого Торвальд, с заработанными им деньгами и опытом, легко мог собрать дружину и завоевать какое-нибудь княжество. И было немало авантюристов, готовых помочь ему в захвате земель. Но Торвальд ощущал, что ему чего-то не хватает, и решил забыть военные походы и поехать на родину Вероники, в богатейшее герцогство Европы, о котором он был много наслышан, – Саксонию. Торвальд был уже известным среди европейской знати человеком, и в Саксонии его приняли радушно. После жестокости набегов, Торвальд был поражён образованностью, благочестием и моральной чистотой священников. Он почувствовал себя неотёсанным полужверем, чья предыдущая жизнь была непрерывной цепочкой из ошибок и заблуждений. Под влиянием Вероники, Торвальд задумал принять христианство и обратить в эту веру свою отчизну – Исландию. Но тогда он ещё сомневался в достаточном знании догматов, поэтому уговорил отправиться в Исландию вместе с ним епископа Фридрека.

Правда, в память о былых временах на драккаре Торвальда трепеталось знамя викингов с изображением чёрного ворона. Торвальд лишь вышил на нём крест, сжимаемый вороном в лапах, как символ миссии проповедника. Под таким штандартом он распространял христианство до смерти.

На родной стороне Торвальд претерпел вдоволь лишений, боролся с нечистью, берсерками и продемонстрировал безумную смелость в самых безвыходных ситуациях. В Исландии Торвальд с Фридрексом крестил множество людей, включая своего отца, но, столкнувшись с отчаянным сопротивлением. Убедившись, что всё возможное он уже сделал, Торвальд навсегда покинул этот край.

Там, в Исландии, Торвальд совершил и недостойный праведника поступок. Его и епископа постоянно оскорбляли, и однажды продажные скальды сочинили песню, в которой Торвальда и Фридрека сравнивали с женщинами. В этот момент до Торвальда дошли потрясшие его новости об убийстве язычниками приобщённых им христиан и Вероники, приплывшей с ним. Позже злые языки говорили что баронесса оказалась скандалисткой, Вероника поругалась с Торвальдом и уже не в первый раз выгнала его из дому. В день когда пришли злопыхатели, за неё некому было заступиться, быть может, распря с баронессой спасла Торвальда.

Бывалый викинг Торвальд сорвался и перебил всех унижавших его недругов. Узнав о кровопролитии, Фридрек с сожалением сказал ему:

– Ты проявил слабость!

Возвращаясь из Исландии, Торвальд встретил яростного язычника, возглавлявшего гонения на христиан. Несмотря на заверения, данные епископу в раскаянии, когда самоуверенный враг со своими слугами начал смеяться над Торвальдом и порочить память Вероники, вспыльчивый Торвальд потерял над собой контроль и заколол его. Фридрек не стал слушать никакие оправдания, заявив:

– Наши пути расходятся Торвальд, поскольку ты ни за что не перестанешь убивать!

Следом за уходом епископа Торвальд продолжил скитания, ежедневно укоряя себя за гибель Вероники и многих крещёных людей в Исландии. Вдобавок его подвело здоровье, воспалились старые раны, полученные Торвальдом ещё во время морских военных походов. Эти рубцы приносили ему постоянные невыносимые мучения, лишь отягчаемые чувством вины.

И как-то ночью, когда Торвальд шагал по пыльной дороге, любуясь чистым небом, впереди закружились песок, трава и сухие листья. От резкого дуновения ветра знамя Торвальда начало развиваться. И вдруг в воронке вихря загорелись жёлтые огоньки, со стороны это было похоже на звёздную пургу. Затем все они слились вокруг одной оси, и пред Торвальдом появилась Вероника. Волосы девушки были в ореоле сияния, а из-за её спины выступали два белоснежных крыла. Вероника подступила к нему и сказала с очаровательной улыбкой:

– Мы все в раю, Торвальд! Успокойся и живи праведно!

Вероника придвинулась к Торвальду, поцеловала его и исчезла. От прикосновения её нежных губ Торвальд пошатнулся и рухнул на дорогу, внезапно, будто вспышка в сознании, к нему пришло понимание его ошибок, он искренне покаялся и простил губителей христиан. Всё его естество прониклось безграничной верой, он ощутил единство с окружающим миром и любовь ко всему живому на земле. Приятное тепло разлилось по его телу, Торвальду показалось, что небосвод резко приблизился к нему, и он увидел заоблачные высоты, где царили счастье и покой. Боль пропала, словно за мгновение его раны зажили. В ту ночь, стоя на коленях со штандартом в руках, Торвальд поклялся, что больше никогда никого не убьёт, чтобы ни произошло.

После сего случая одухотворённый Торвальд отправился на Русь, в город Полоцк, к давнему товарищу, конунгу Рагвальду, славяне величали его Рогволодом. Как раз незадолго до этого полоцкие купцы пригласили Рогволода править, чтобы сохранить в Полоцке династическую независимость от Киева.

По пути Торвальд обзавёлся молодым вороном, которого назвал Хугином – то есть, «мыслящим». Имя было дано с присущей Торвальду иронией, Хугином звали одного из двух мифических воронов, сопровождавших главного скандинавского бога – Одина. Торвальд научил птицу говорить несколько фраз и даже молитву. С тех пор пернатый спутник путешествовал вместе с ним и при молебне Торвальда повторял текст за хозяином, чем забавлял свидетелей столь необычного зрелища.

В драккаре с норманнами, одетый в доспехи, со знаменем викингов и сидящим на руке вороном, прославленный воин и миссионер Торвальд прибыл в Полоцк.

Этот город, находящийся на слиянии двух рек, очень понравился ему. Здесь же в Полоцке Торвальд познакомился и подружился с будущим королём Норвегии Олафом Трюгвасоном, воспитанным при дворе новгородского князя Владимира Ясно Солнышко. Рогволод, Торвальд и Олаф проводили яркие летние дни в пирушках, рассказывая друг другу о невероятных приключениях. Как-то раз Торвальд с интересом наблюдал купальское гуляние в Полоцке. Всмотревшись в огромный костёр, Торвальд произнёс, обращаясь к Рогволоду:

– Это прекрасный народ, но всё же нет какой-то общей светлой идеи.

– Я понимаю, о чём ты, и я склоняюсь к принятию христианства, возможно, по римскому образцу, как сделал киевский князь Ярополк, – задумчиво глядя на огонь, сказал Рогволод.

– А почему именно на западный манер, ведь ваши купцы плавают в Византию? – спросил Торвальд.

– Я сторонник политического союза с Ярополком, да и что тебя удивляет, ведь ты и сам крестился в Саксонии!

– Настроения киевлян изменчивы, мне кажется, население Полоцка должно найти свою духовную стезю.

– Возможно, ты прав! – ответил Рогволод.

Уже тогда Полоцк оставил у Торвальда хорошее впечатление и занял какое-то место в его планах.

Потом Торвальд поехал в Иерусалим, чтобы подняться на Голгофу, а затем направился в Константинополь. Там тоже были наслышаны о Торвальде, и византийский император Василий жаждал встречи с ним. Василия удивило, что Торвальд проповедовал в такой далёкой Исландии, среди суровых ревностных язычников и при этом не погиб.

Там же, в Константинополе, по желанию басилевса Торвальда назначили миссионером во всех русских землях и обещали ему высокий церковный титул митрополита, а в последующем, может, и патриарха. Ему выдали грамоту, в которой Торвальд объявлялся посланником Византии в Киеве и в областях Восточной Балтики. Однако за годы путешествия Торвальда произошли важные события. Началась борьба за власть между сводными братьями: киевским князем Ярополком и новгородским князем Владимиром, прозванным Ясно Солнышко.

В поисках поддержки князь Владимир посватался к дочери полоцкого князя Рогволода, величаемой Рогнедой. Но Рогволод не хотел быть союзником Новгорода, и по его указанию дочь молвила: «не хочу я разуть рабынича». Это был очень оскорбительный отказ, поскольку мать новгородского князя была прислугой и наложницей, и свадебный обряд снятия обуви с мужа, упомянутый Рогнедой, касался самого большого для Владимира вопроса.

Новгородский князь бежал в Норвегию, где нанял отряды из норманнов, и по возвращении ему доложили, что Рогволод участвовал в походе на Новгород вместе с Ярополком.

В ответ Владимир двинул свои войска на Полоцк, захватил этот город, после чего изнасиловал Рогнеду перед очами Рогволода, а следом умертвил Рогволода и двух его сыновей. Затем Владимир пошёл на Киев, заманил брата в ловушку и убил его, став единоличным правителем Руси.

Несмотря ни на что, я не отзываюсь о Владимире исключительно плохо, он сделал многое для своих владений. Неудачно попытавшись реформировать язычество, Владимир в конце концов начал переговоры о браке с сестрой басилевса Анной и о введении на Руси христианства по греческому образцу.

– А что случилось с Рогнедой? – поднимая очередной кубок, спросил мой отец.

– В этом вся и загвоздка, Рогнеда оказалась главной женой Владимира, и его сыновья Изяслав и Ярослав, были от неё. Со временем она полюбила Владимира, и дети Рогнеды признавались законными наследниками Ясно Солнышка.

Но новость о том, что Владимир берёт себе в супруги принцессу Анну, а всех других благоверных отпускает, шокировала Рогнеду. Она думала, что если Ясно Солнышко примет

христианство и выберет одну жену, то это будет она. А получилось, что Владимир решил присвоить подобную роль пришедшей гречанке.

Вскоре князь вернулся уставшим после охоты и навестил Рогнеду. Ослеплённая ревностью, она отважилась отомстить за свою участь. И стоило Владимиру заснуть, как Рогнеда взяла меч, чтобы зарубить его. Но в последний момент Владимир проснулся и выхватил оружие из её рук. Разъярённый князь приказал Рогнеде переодеться в её лучшее платье и прийти к нему на казнь. Печальная Рогнеда сменила наряд и опустилась на колени перед Владимиром, но как только он замахнулся над ней клинком, в покои к ним ворвался его девятилетний сын Изяслав с мечом и закричал:

– Отец, ты не один, я буду свидетелем!

– Кто же знал, что ты уже здесь, – мрачно произнёс князь и вышел прочь.

По совету киевских бояр Владимир сослал Рогнеду и Изяслава в построенный для них город Изяславль.

Что же насчёт Полоцка, то он тогда был в ужасном положении, фактически от него сохранились лишь пепелища. Полочане не намеревались подчиниться наместнику Владимира и постепенно покидали город. Вдобавок Владимир выступал против восстановления Полоцка. Казалось, жизнь уходит из этого некогда процветающего города навсегда.

Рогнеда была унижена, княжич Изяслав находился с матерью в ссылке. Но тут судьбы Изяслава, Рогнеды и Полоцка сплелись с волей Торвальда, и он, ведомый Господом, словно вытащил их из пропасти забвения.

Торвальд как раз возвращался из Константинополя в момент выдворения Рогнеды и Изяслава. Тогда проповедник быстро понял, что крещение Руси произойдёт без его помощи, и Ясно Солнышко проведёт его далеко не методом убеждения. А раз Русь вскоре примет христианство, Торвальд решил сосредоточиться на обращении Прибалтики, куда был назначен посланником императорской грамотой. Но начать он задумал с малого – заложить монастырь в городе, являвшимся воротами в Прибалтику – Полоцке.

Приехав в Полоцк, Торвальд застал его в жалком состоянии. Он прошёлся по городу, осматривая пожарище и внимательно выслушивая рассказы местных жителей про то, как достойно сражался их князь Рогволод за Полоцк и как викинги князя Владимира хитростью взяли Рогволода и его сыновей в плен.

– Чтобы разобраться, кто мы и что нам нужно на самом деле, иногда следует лишиться всего и очутиться на краю. Пламя созидания и веры разгорается от углей пепелищ! – невозмутимо сказал Торвальд, глядя на своего ворона, примостившегося на почерневшем деревянном идоле бога Перуна.

Торвальду сообщили о последних новостях, и история про князя Изяслава, который спас мать и был за это изгнан, вызвала у него особый интерес. Слова маленького Изяслава о том, что князь Владимир «здесь не один», Торвальд воспринял как знак свыше.

– Это моральная основа Полоцка, то, что нельзя купить ни за какие деньги или уничтожить, настоящая правда. Полоцк станет новым священным центром Руси, – произнёс проповедник.

Торвальд организовал в Полоцке монастырь и построил рядом небольшую церковь Иоанна Предтечи на острове посреди Двины. Ты, Горислав, можешь его увидеть сегодня, напротив недавно возведённого Софийского собора. Полоцк был ещё грудой золы, а колокольня храма Иоанна уже разносила весть о воскрешении города. А ведь Торвальд мог остаться где угодно: в Англии, Дании, германских княжествах, Византии – везде ему были рады, но он поселился в Полоцке, разумеешь, какую честь он оказал полочанам?

Торвальд лично поскакал в город Изяславль, чтобы уговорить князя Изяслава, незадолго до этого перешедшего в христианство, прибыть править в Полоцк.

Встретив старого друга Рогволода, которого Рогнеда знала с детства, она бросилась ему на шею и зарыдала. Торвальд её крепко обнял и стал утешать:

– Скоро всё наладится!

Но предстоял ещё разговор с Изяславом, и молодой князь на предложение Торвальда возразил:

– Город Полоцк практически исчез, он разрушен и обречён, в нём совсем мало людей.

– Вы ошибаетесь, светлейший князь, Полоцк – это нечто большее, чем деревянные избы и частокол на берегу Двины. Ныне озарённый Божественной благодатью, он процветает в сердцах и душах полочан. Всё относительно, государства и города держатся на том, что их обитатели убеждены, что они существуют. И пока ваши подданные будут верить в то, что Полоцк жив, его не загубить, город материальный всегда восстановится, как отражение города духовного, – рассудительно ответил Торвальд.

– Да ты хоть представляешь, какой сейчас Полоцк, разве эти опалённые брёвна похожи на резиденцию князя и опору христианства? – закричал на Торвальда Изяслав.

– Ваша светлость, за свой век я был во многих городах, только что я посещал Иерусалим и Константинополь. Полоцк я каждый день вижу в очах его населения, ожидающего вашего приезда, и он прекрасен. Кроме того, если вас интересует богатство, то Полоцк имеет выгодное географическое положение, и полочане сделают всё, чтобы воротить ему былое величие. Очень скоро Полоцк вновь займёт важное место в торговом и политическом устройстве Руси.

– Даже согласись я двинуться в Полоцк, мой отец, князь Владимир, никогда такого не допустит, он ненавидит этот город и не даст ему шанса на возрождение, – вздохнув, разочарованно сказал Изяслав.

– А коли князь Владимир позволит вам управлять Полоцком? – улыбнувшись, спросил Торвальд.

– Что ж, если ты уговоришь моего отца, то я перееду в Полоцк!

На прощание Изяслав подарил Торвальду меч, выкованный в кузнице мастера Ульфберта, с которым он вступался за мать. С тех пор этот меч передаётся как реликвия, его носит старший дружинник Полоцка.

После Торвальд отправился в далёкий Киев. Оказалось, что к князю Владимиру было сложно попасть. И тогда проповедник организовал встречу через новую жену князя Ясно Солнышко, византийскую принцессу Анну, Торвальд знал её ещё из путешествия в Константинополь. Я не могу себе представить, кто ещё на Руси в тот момент осмелился бы поехать к князю Владимиру, чтобы просить за Изяслава и Рогнеду. Но у Торвальда был статус посланника византийского императора.

До того, как войти в княжеский терем, Торвальд отпустил ворона. Присутствующий при этом охранник, датчанин по происхождению, с интересом наблюдал, как Хугин сел на крышу одного из домов напротив.

И вдруг у стражника волосы стали дыбом, когда ручная птица звучно произнесла норвежскую поговорку:

– И маленькая кочка громоздкий воз может своротить! – сказал ворон по-норвежски, медленно прохаживаясь по кровле. А затем, к ещё большему удивлению варяга, Хугин начал читать молебен.

В это время дружинники ввели Торвальда к Владимиру. Беседа обещала быть не из лёгких. Торвальд застал Ясно Солнышко сильно раздражённым. Киевский князь был разодет в шёлковые ткани и сверкал самоцветами. Торвальд же был в простом сером плаще и возник перед Владимиром спокойным и сдержанным. Лишь перебирание в правой руке чётков из какого-то полупрозрачного фиолетового камня выдавало в Торвальде оживлённые размышления.

– Как ты посмел нагрязнуть ко мне с речью об Изяславе и городе Полоцке. Если бы не княгиня Анна, я бы приказал бросить тебя в поруб или пытаться, а потом убить. Ты находишься в моих владениях, твоя судьба полностью в моей власти. Да как у викинга вообще появилась идея прийти с нравоучениями, ко мне, повелителю всех русских земель! – закричал Владимир и многозначительно поднял указательный палец вверх.

Но, несмотря на вопли и угрозы князя, Торвальд как и прежде был невозмутим, и, казалось, что он взирает на обозлённого Владимира с какой-то молчаливой насмешкой.

– Светлейший князь, мне пришлось лицезреть множество знатных людей: баронов, герцогов, графов, королей. Они были моими друзьями или пленниками и даже слугами. Посещая Саксонию, мне довелось увидеть там западного императора, самого Оттона Великого в пике его могущества. К католику императору Оттону послала гонцов и ваша бабка, княгиня Ольга, с просьбой о крещении Руси. Родственники императора, принимали меня как равного.

При совершении паломничества в Иерусалим я сталкивался с мусульманскими эмирами. А пребывая в Константинополе, объяснялся с базилиевсом бескрайней Византии – Василием. Познакомившись со столькими правителями, я не испытываю страха на приёме у князя Киевского.

В нынешнем положении, когда я хочу провести оставшуюся часть жизни в молитвах и служении Богу, темница для этого не худшее место. Гибелью или муками меня также не запугать, я уже давно готов к ним, ежели на то будет воля Господа, – отстранённо ответил Торвальд.

– Прикрываешься громкими именами? Меня опасается и сам византийский базилиевс. На моей стороне ратники и ладьи, безграничные территории и богатства всей Руси. А ты кто такой, чтобы мне советовать? – гулко произнёс Владимир.

– Ещё намерены, светлейший князь, вы были изгнанником, а все эти земли, войска и корабли принадлежали вашему брату. Вы, словно посетитель в чужом доме, пользуетесь и восхищаетесь его нарядами, яствами и роскошью. Но вы забываете, что хозяин тут – Бог, а вы только гость. И смерть заберёт у вас золото и корону, ничего не уцелеет. А за мною истина, она гораздо дороже, потому что нетленна, и ничто у меня её не отнимет.

От слов Торвальда настроение Владимира изменилось, князь присмирел. Владимир с изумлением разглядывал чётки Торвальда, в начале их спора они были сиреневыми, затем, играя разными переливами, их цвет переменялся на красный и, наконец, во время рассуждений Торвальда о готовности принять погибель, камни, из коих были составлены чётки, стали жёлтой окраски.

– Гляжу, ты отважен, мне рассказывали, что в Исландии берсерки в бешенстве грозились разорвать тебя на куски и крошили рядом с тобой скалы. Всё живое в округе оцепенело от ужаса, но ты отвлечённо и сдержанно молился. Наверняка у тебя заготовлена целая речь в защиту Изяслава и Рогнеды. Но прежде, чем я её выслушаю, ответь мне на один вопрос, – при этих словах киевский князь посмотрел в очи Торвальду, который символически поклонился, но не отвёл взгляда, а Владимир продолжил: – Правду ли сообщают, что ты обладаешь даром внушения?

– Светлейший князь, я был проповедником у себя на родине, где меня знали с детства и не воспринимали всерьёз. И тем не менее, там я обратил в христианство много людей. Поэтому мой ответ будет утвердительным, я имею определённую способность увещевания.

– Что ж, тогда, учитывая твои таланты и опыт, их наличие ты и сам признаёшь, я бы не желал обсуждать с тобой судьбу моего сына. К тому же я предполагаю, что ты можешь мне сказать, мол, что правильно было бы отдать Изяславу Полоцк. Ты играешь здесь роль кроткого мудреца, но я извещён о твоём бурном прошлом викинга, и, говорят, что даже будучи миссионером в Исландии, ты умертвил несколько человек. А после отправил на тот свет ещё одного знатного язычника в Норвегии!

– Да, это так, светлейший князь, однако скальды, зарубленные мною в Исландии, ослеплённым горем и яростью, вели себя недостойно. А богатый идолопоклонник, заколотый в Норвегии, был причастен к смерти десятков крещёных женщин и детей! – утратив спокойствие и повысив тон отозвался Торвальд, и чётки в его руке поменяли цвет с жёлтого на красный. В это мгновение Владимиру показалось, что за спиной Торвальда по стене проскользнули какие-то странные синие с рыжими пятнами тени.

– Значит, проповедник и убийца. Я ведь тоже сделал в своей жизни тьму неблагоприятных поступков, а теперь я также распространяю христианство. Жалеешь ли ты, что так обошёлся с этими язычниками в Исландии и Норвегии и отомстил за жену и остальных крещёных? – спросил Владимир, и на лице киевского князя появилась злорадная улыбка.

– Да, я искренне в этом раскаиваюсь. Тогда я находился вначале духовного пути и ещё не понимал, что это я спровоцировал их. Это мои действия обострили всё до того, что исландцы стали проливать кровь, и моя доля вины в произошедшем с Вероникой и христианами Исландии не меньше, чем у их палачей. Лишь из-за неискренности и самонадеянности я переложил всю ответственность на других и осквернил свою веру.

Ваша светлость не собирается меня слушать, но я вижу, что вы благородный муж, и в вас борются доброе и злое. Вы распутничали и убивали, но это было нормой для традиций этих земель. Вы, по необходимости, боролись за власть. И, конечно, у вас есть причины ненавидеть город Полоцк, но сегодня преуспевание Полоцка – это процветание части вашей державы. Полоцк не должен исчезнуть из-за гордости Рагвальда. Полочане и так понесли тяжёлое наказание.

Ныне вы крещёный князь, и я ведаю о славных деяниях, совершённых вами, в последние годы. Вы сладили очень великодушно со своей бывшей женой Рогнедой. Очевидно, несмотря ни на что, вы любите её, и она близкий вам человек. А князь Изяслав и вовсе ваш наследник, он был одним из главных претендентов на следующего великого князя Руси. И за что, ваша светлость, хочет обделить Изяслава состоятельными владениями? За то, что он нашёл в себе силы вступить за мать? Только вы, светлейший князь, сумеете восстановить справедливость, дав Изяславу в удел Полоцк. Рогнеду и Изяслава вы уже пощадили, а теперь простите полочан.

– Да, Рогнеда мне не чужая. Ведь я не намеревался лишать её чести, да ещё так унижительно, невзирая на нанесённое мне оскорбление. Но мой дядя Добрыня на этом настоял, заявив, что это необходимо, чтобы повысить авторитет в дружине. Возможно, мне попадались не те советчики. Но как бы там ни было, я победил в схватке со своим братом и в состоянии многое осуществить для Руси. Я вижу, что под твоим и Изяслава руководством Полоцк возродится, но нужно ли это мне? Надо всё хорошо обдумать, а сейчас убирайся, мой ответ тебе передадут.

Неделю Торвальд ожидал в Киеве вестей от Владимира, и это был мучительный для него период. Как и в Исландии, Торвальд сделал всё, что мог, но не знал, будет ли Господь более благосклонен к нему на этот раз.

На седьмой день, когда Торвальд наблюдал, как метель строит в воздухе причудливые фигуры и укрывает Киев узорчатым белым полотном, Торвальд услышал крики Хугина, сидящего на крыше дома:

– Пожар, пожар!

Торвальд шагнул за порог и рассмотрел приближающегося всадника. Тогда ему показалось, что конь под наездником словно парит над снегом, вообще не касаясь земли, как какой-нибудь крылатый Пегас, конь бога Одина Слейпнир, или нёсший пророка Мухаммеда – Бурак, то есть, как существо, на котором перемещались проводники воли высших сил. Не менее странным был и верховой, одетый в необычные сияющие доспехи.

– Великий князь Владимир приказал вам передать, что князь Изяслав с княгиней Рогнедой могут распоряжаться в Полоцке, город Изяславль также сохраняется в собственности

Изяслава, – предъявив грамоту, с торжественным видом сказал посланник. И с этого момента в истории города Полоцка началась новая эра.

Вместе с Изяславом Товальд быстро восстановил благополучие Полоцка, с установлением правления Изяслава полочане стали массово возвращаться в город. Изяслав прославился учёностью и переписыванием книг, а ведь это было в тёмные идолопоклоннические времена. Город воспрянул, благодаря вмешательству проповедника, и как символ особой судьбы и миссии Полоцка, в свой знак рода Рюриковичей – трезубец, князь Изяслав включил фигуру креста.

Рогнеда со слезами на очах внимала рассказам Торвальда о возрождении Полоцка и достижениях её сына. Но отправиться в Полоцк Рогнеда не захотела и осталась в городе Изяславле, приняв монашеский постриг. Она объяснила такое решение желанием служить Богу и слишком страшными воспоминаниями, связанными с Полоцком.

Внушительными были и успехи Торвальда в распространении христианства на Полотчине. Активно сотрудничая с Полоцкой епархией, Торвальд коренным образом изменил духовную жизнь полочан и заложил её нравственные основы. Умер Торвальд от старости, в Полоцке, и был похоронен в церкви Иоанна Предтечи, им же и возведённой. Его ворон Хугин, оказавшись без хозяина, поселился в лесу и ещё долго обитал неподалёку от Полоцка, по утрам оглашая окрестности города чтением молитвы.

Постепенно Полоцк богател и разрастался. Уже сын Изяслава, блистательный князь Брячислав, управлял могущественным Полоцким княжеством. Брячислав провёл реформу в войсках Полоцка – княжеская дружина занялась обучением городского ополчения.

Следом за смертью князя Владимира власть на Руси захватил его сын, новгородский князь Ярослав. Чтобы взять Киев, Ярослав перебил братьев, заключил союз с язычниками, однако в итоге обманул верных ему варягов, таких, как прославленный ярл Эймунд.

Молодой полоцкий князь Брячислав защитил тогда всех бежавших от беззаконий, включая Эймунда, объединил с ними силы и выдвинулся против братоубийцы и предводителя полужыческой рати князя Ярослава Владимировича. В битве при Судомире в 6529 году от сотворения мира Брячислав разгромил киевлян и новгородцев. Ходили слухи, что в гуще сражения появлялся вооружённый мечом Торвальд, сидящий на лошади. Это был военный и моральный триумф города Полоцка. Притеснениям и беспорядкам на Руси, созданным воинами Ярослава, наступил конец.

После Судомира киевский князь Ярослав Владимирович был вынужден уступить полочанам два важных торговых пункта: Витебск и Усвят. Полоцкий князь Брячислав по мирному договору признавался соправителем князя Ярослава в Киеве и заложил в русской столице свой княжеский двор. Эймунд за помощь Полоцку получил в кормление крепость Браслав. Одержав победу, князь Брячислав произнёс:

– В этой сечи мы сражались за справедливость, против сил почти всей Руси, и мы победили, благодаря отваге наших воинов и небесному заступничеству Торвальда.

Брячислав приказал вышить знамя с фигурой Торвальда. Тогда и возникло изображение всадника на коне, а Полоцкая епархия причислила Торвальда к местнопочитаемым святым под именем Тимофея Полоцкого.

В полоцком Софийском соборе в башне, возвышающейся в юго-западном углу, которая является солнечными часами, на фресках запечатлены встречи Торвальда с князем Владимиром и с князем Изяславом.

– Ратимир, но почему сейчас наш князь Всеслав не навещает свои владения в Киеве, и в титулах не называет себя князем киевским? – сбивчиво спросил отец и, будучи очень пьяным, уронил кубок, со звоном покотившийся по полу дома.

– Понимаешь, Горислав, за битвой при Судомире на Руси ещё долго сохранялось военное и политическое равновесие между тремя князьями: Брячиславом Полоцким, Ярославом Владимировичем и могущественным правителем далёкой Тмутаракани князем Мстиславом –

сыном великого князя Владимира. Однако после кончины тмутараканского князя Мстислава, Ярослав Владимирович присоединил его земли к Киеву, и баланс противостояния изменился не в пользу Полоцка. Вдобавок Ярослав заключил союзы почти со всеми соседними европейскими королевствами.

Став влиятельнее, киевляне забыли об обязательствах перед Полоцком. А следом за смертью киевского князя Ярослава Владимировича трое старших сыновей Ярослава, князя Изяслав, Святослав и Всеволод, объединились и захватили власть на Руси, как и их отец, они начали притеснять младших братьев.

Тут подвыпивший Ратимир повысил голос, перейдя на крик:

– Всё вокруг поделили Ярославичи, лишь княжество Всеслава им не по зубам. Во всей Руси лишь на Полотчине ещё остаётся незыблемый закон и порядок. Наш народ помнит и открыто говорит, что Ярослав Владимирович – циничный братоубийца, а обнаглевшие новгородцы и киевляне в бою не так уж крепки.

Независимость Всеслава и его двор в Киеве уязвляют самолюбие заносчивых Ярославичей. Недавно начали поступать жалобы от полоцких купцов об избиении и ограблении их в Новгороде и Пскове.

Наш достойный князь Всеслав не ответил гонениями на новгородских купцов, с которыми лично знаком, посчитав, что это будет невыгодным для Полоцка. Но вот увидишь, Горислав, ещё наступит день, когда князь Всеслав, подобно Брячиславу, поведёт нас на Ярославичей под штандартом с Тимофеем Полоцким. Мы вновь разгромим этот идолопоклоннический сброд и восстановим правду на Руси, ведь для этого по воле Господа Полоцк и воспрял из пепла! – стукнув при этих словах кулаком по столу, Ратимир закрыл очи, успокоился и захрапел, а затем отправился спать и отец.

Но я в ту ночь не мог заснуть, находясь под впечатлением от рассказа Ратимира. Тогда я впервые столкнулся с духовным миром полоцкой знати, наполненным мистическими образами.

Глава 3. Авантюра

1

В Полоцке кипела будничная жизнь, наша семья вскоре совсем освоилась в этом прекрасном городе. Полочане умели как хорошо воевать и торговать, так и развлекаться. Особым уважением у горожан пользовались православные религиозные праздники, перенявшие многие элементы вытесняемого церковью язычества. Традиции предков полочан словно получили новое дыхание, растворившись в христианстве.

Масштабно отмечал свой день рождения и князь Всеслав, закатывая пиры для горожан. Чего там только не было: всевозможные пироги и блины с овощами, ягодами и осетром, выловленным в Двине. Утварь ломилась от мясных блюд из домашних животных и дичи, от гусей, запечённых с вишнёвой подливкой, до тушёного с грибами кабана. Здесь каждый мог найти себе что-то по вкусу. Квас, медовуха и пиво лились рекой, а знатных полочан князь потчевал вином.

На таких праздниках устраивались показательные бои ратников. Были также соревнования в стрельбе из лука и метании копья, в них участвовали все желающие, включая женщин. Победителей состязаний награждали серебряной нашейной гривной, которую на горожан надевала жена Всеслава, прекрасная княгиня Катарина, дочь правителя Висбю. Стройную и высокую полоцкую княгиню отличали очень длинные русые волосы, большие миндалевидные серо-голубые очи и продолговатое симпатичное лицо с веснушками. Изящная и утончённая в движениях, Катарина озаряла окружающих на пиру ровной белоснежной улыбкой. Говорят, у княгини было тяжёлое платье из арабских дирхемов, скреплённых между собой серебряными звеньями, в нём она прибыла на свадьбу с Готланда. В день рождения Всеслава головной убор Катаринины непременно украшал цветок нарцисса. Жёлто-белые нарциссы привёз из своих странствий в Полоцк ещё проповедник Торвальд.

Среди лучников десятый год подряд выигрывал полочанин Вадил. Мой отец, привыкший с детства добывать пропитание охотясь, бросил копьё лучше Ратимира, и был одарен гривной.

Кроме того, дрессировщики животных, жонглёрские и акробатические номера завораживали зрелищностью хмельных полочан.

Величественный князь Всеслав лично с женой обходил гостей, радостно всех приветствуя. Казалось, счастье и стабильность навсегда вошли в жизнь этого обеспеченного и весёлого города.

Однажды Ратимир нагрянул к отцу и передал распоряжение немедленно прийти к князю. Отец проследовал в терем, где увидел князя Всеслава, расположившегося во главе громоздкого стола. Всеслав не был как обычно спокоен и задумчив, он выглядел взволнованным и эмоционально реагировал на всё, что происходило вокруг.

Слева от князя сидели его сыновья: Давыд и Борис. Князь Давыд был старшим из них и держался высокомерно, хотя поговаривали, что он особо не блистал умом. Мой отец практически не сталкивался с Давыдом и не брался судить о его способностях, но утверждал, что по всему было заметно, что Давыд – человек честолюбивый. Второй сын Всеслава – Борис, был прост в общении. Из-за отзывчивости и обаятельности, Борис завоевал популярность среди воинов и простых полочан. Оба наследника были статными, но если Давыд являлся блондином и имел лик аристократический и хищнический, напоминая своего отца, то Борис был шатеном, улыбчивым и с мягкими чертами лица, не отражавшими преемственности сурового Всеслава.

Сразу за княжичами, слева от полоцкого князя находился предводитель наёмников варягов по имени Эстин, викинги его так называли, потому что он родился в Прибалтике на зем-

лях племени эстов. Норвежец Эстин выделялся светлыми волосами и синими сияющими очами, он был невероятно крепкого телосложения. Все фигурирующие, включая князя с сыновьями, уступали Эстину в росте и ширине плеч. С правой стороны от князя разместился старший дружинник – Ратимир, были вдобавок купцы, их выдавал бегающий взгляд, а напротив князя примостился епископ Никифор – представитель Полоцкой епархии. Никифор разнился с остальными присутствующими восточным типом внешности, поскольку он был греком. Епископ обладал громадным выпяченным животом, на котором лежал внушительный серебряный крест. На пальцах Никифора сверкали несколько перстней с огромными камнями, и по богатству одежды епископ превосходил самого князя. Отца посадили на лавке в углу терема, за пределами стола.

Когда все уселись, князь Всеслав поднялся и произнёс:

– Вроде все собрались, вот только я не наблюдаю Вадила, ну да и чёрт с ним, с этим чудачком вечно что-то не так. Я собрал вас всех сегодня, чтобы обсудить последние новости, доставленные из Киева. Переданы достоверные сведения, что князя Ярославичи сейчас пребывают в военном походе на тмутараканского князя Ростислава и завязли в борьбе с ним. Я бы хотел использовать данную ситуацию. С княжичами я уже потолковал, и меня интересует ваше мнение по этому поводу. Что скажешь ты, Эстин?

– Светлейший князь, нужно ответить Ярославичам за ограбление полоцких купцов, и лучшей возможности может не возникнуть. Пока Ярославичи воюют с Ростиславом, необходимо на них напасть, вы захватите новые земли, а воины получают богатую добычу, как было при вашем отце. Мои люди соскучились по боям и трофеям, – ответил Эстин.

– А какое твоё мнение, Ратимир? – спросил Всеслав.

– Ваша светлость, столкновение Ярославичей с Ростиславом закончится, и тогда они сделают всё, чтобы вернуть утраченное и отомстить нам. Пока был жив тмутараканский князь Мстислав, позиции князя Ярослава у власти были шаткими, и он не мог себе позволить долгой войны с Полоцком. Но теперь союз трёх его сыновей силён, старшие Ярославичи в хороших отношениях друг с другом и будут воевать, сколько потребуется. Я считаю, что нам не стоит обрушиваться на них сегодня, лучше дождаться более благоприятного момента, например, раздора между наследниками Ярослава, – поднявшись и несколько сбивчиво произнёс Ратимир.

– А что нам скажет церковь? Ваше преосвященство, я вижу, вам не нравится это обсуждение, – рявкнул Всеслав, пристально глядя на епископа.

– Светлейший князь не станет меня слушать. И всё же не гоже христианам взаимно проливать кровь, все вы русские князья – родственники, а ведёте себя, как иноземцы и злейшие враги. Чего вам не хватает, ваша светлость? Зачем вам чужие владения? Держались бы вы все в мире, как и положено семье, довольствовались тем, чем обладаете, и на Руси царили бы счастье и процветание, – спокойно, теребя пальцами, сверкающими камнями, огромный серебряный крест, сказал Никифор.

По иронии судьбы, мой отец, как и я, с уважением относился к священникам, ему импонировала образованность и смиренность монахов, а также та объединяющая роль, которую брала на себя церковь. Конечно, он подшучивал над напыщенностью Никифора, но признавал, что этот нарядный толстяк иногда говорит очень правильные вещи, поступая зачастую мудрее вспыльчивого князя.

У Эстина речь тучного, роскошно одетого епископа, о скромности и стремлении обходиться имеющимся, вызвала улыбку. Возникла пауза, Всеслав молча обвёл всех взглядом и со злостью посмотрел на Никифора.

– Ваше преосвященство, к сожалению, не я один действую не как примерный христианин, и мои далёкие родичи в лице Ярославичей унижают своих родных братьев, а со мной и подавно расправятся при первой же возможности. Ярославичи только и надеются, что мы ослабнем, чтобы отхватить от Полоцкого княжества кусок побольше. Они бросили нам вызов,

избив полоцких купцов, всё, что мы собираемся предпринять – это лишь защитить интересы Полоцка. Наши недруги потеряли чувство реальности от гордыни, Псков и Новгород должны поплатиться за наглость.

Всем своим видом Никифор показывал негодование от слов Всеслава, но помалкивал.

И вдруг среди полной тишины, наступившей в тереме, раздались какие-то шорохи в сундуке, расположенном в углу. Обычно в нём хранилась посуда для пирушек князя, и загадочные звуки всех озадачили. Но никто из присутствующих ещё не успел как-то среагировать, когда внезапно сундук открылся и из него выскочил воин со странным громоздким луком.

Всего за мгновение лучник прицелился и выпустил три стрелы. Они воткнулись в стол, пригвоздив рукава одеяний Ратимира, Эстина и Никифора. А лучник, заметив недоумение и испуг на лицах собравшихся, громко засмеялся и произнёс:

– Я, как светлейший князь на совете, сковал вам руки!

Стрелка звали Вадил, именно о нём полоцкий князь упоминал в начале совещания. Мой отец мало что знал об этом человеке. Вадил был благородного происхождения, потомком знати, правившей в Полоцке до призвания варягов на Русь. Вадил был известный гуляка и главные подвиги он совершал на любовном поприще, ходили сплетни не только о молодых девушках, но и о замужних женщинах, чем Вадил и прославился. Некоторые считали Вадилу сумасшедшим, но когда-то в походе полоцкого войска на торков ещё совсем юный Вадил спас жизнь князю Всеславу, и с тех пор ему многое прощалось.

– Прости Господи, как это всё понимать? – придя в себя и озирая испорченную дорожную рюкзак, возмутился епископ.

– Да, как, ваше преосвященство? Значит, когда нужно навязать кому-то христианство, то все методы хороши, и по жестокости церкви равных нет. А если ваша власть уже установилась, вы живёте в роскоши и обираете людей, то сразу кричите о согласии и стабильности. И вы ещё осуждаете князя за попытку защищаться? – с усмешкой произнёс Вадил.

– Подобные бравады – это уже чересчур! – сказал Эстин и, доставая стрелу из стола, посмотрел на растерявшегося князя.

– Разве, Эстин? Мне казалось, что такое появление как раз в духе викингов. А не перебор, что наёмник, которому вообще наплевать на то, что будет с Полоцком, присутствует на совете? Не слишком ли, что скандинавы всегда выступают за войну? Конечно, пограбите, когда Ярославичи не могут ответить, затем сядете на драккары, и только вас и видели. А биться со всей Русью потом нам, – рассуждал Вадил, ставя лук в угол.

– Тоже мне умник, ваша светлость, угомоните своего скомороха, иначе я уйду с этого обсуждения! – воскликнул Эстин и демонстративно поднялся с места.

– Сиди уж, не нужно меня приветствовать стоя! – произнёс Вадил и резким толчком ладони в плечо усадил Эстина. Трудно передать вид норвежца после произошедшего, его очи налились кровью, он вскочил, как ошпаренный, и заорал:

– Ты покойник!

Но Вадил, уступавший Эстину в росте и телосложении, не испугался, напротив, на его лице возникла улыбка, а в очах как будто загорелась искра безумия.

– Хватит, немедленно прекратите! Вадил, мне уже надоели твои выходки, берегись, моему терпению наступит конец. А ты, Эстин, куда-то собрался? Здесь лишь я решаю, кто и когда уйдёт! – рявкнул Всеслав, его жёсткий голос эхом разнёсся по терему, на лице полоцкого князя была ярость. Озлобленный тон Всеслава мигом унял Вадилу и Эстину.

Полоцкому князю потребовалось ещё пару минут, чтобы успокоиться.

– Итак, подведём итоги. Варяги поддерживают конфликт, епископ хочет мира, а рассудительный старший дружинник предлагает подождать лучшего момента. Но Полоцк не может долго сохранять мир в одностороннем порядке, и, учитывая сложившуюся ситуацию, у нас осталось мало времени, – сказал Всеслав и дал сигнал купцам.

– Светлейший князь прав, уже сейчас многие полоцкие торговцы выдворены из владений Ярославичей, мы терпим убытки, необходимо что-то предпринять против Новгорода, пока всё не закончилось катастрофой, – подтвердил купец.

Тут князь Всеслав вынес свой вердикт:

– На данный момент казна княжества полна, наши войска также находятся в отличном состоянии. Вначале мы нападём на город Псков, это станет уроком всем врагам Полоцка. А если кампания Ярославичей в Тмутараканском княжестве затянется, то мы объявим войну Новгороду. Ярославичам не по силам разом противостоять нам и Тмутаракани, и мы вернём славу и уважение Полоцку. У кого есть возражения? – сухо произнёс Всеслав. Но в тереме была тишина, никто не осмелился ничего сказать, и тогда князь посмотрел на Вадила.

– Возможно, тебе есть что возразить? Давай же, тебе ведь не понравились мнения наличувствующих, ты уже развлёк нас сегодня стрельбой, так позабавь нас ещё, – молвил Всеслав.

– Надеюсь, светлейший князь, поддавшийся на уговоры торгашей, помнит о том, что с союзной армией, коей вы бросаете вызов, не справился и сам польский король в борьбе за город Берестье. А ведь у короля Казимира было гораздо больше денег и людей, чем у Полоцка. Но я подчиняюсь любой воле вашей светлости и верно послужу вам, – при этих словах Вадила Всеслав лишь недовольно вздохнул, но тут Вадил продолжил:

– Мне вот только непонятно, зачем светлейшему князю надо было отстраивать Полоцк, Софийский собор, основывать новые города Кукенойс, Герцике и Менск, если скоро недруги предадут их огню. А так меня всё более чем устраивает, пожалуй я даже не буду заготавливать дрова на зиму. Поскольку в мороз я, думаю, отогреюсь у грандиозного костра, в который Ярославичи превратят полоцкую землю, – глядя в пол, спокойно добавил Вадил.

Всеслава снова затрясло, подойдя к дверям, князь открыл их и приказал:

– Стража! Возьмите Вадила и швырните его в поруб! Ты, Вадил, у нас любишь прятаться в темноте, после сундука яма тебе должна понравиться! – с ядовитой усмешкой произнёс Всеслав. В терем ввалились дружинники и взяли Вадила под руки, на что он лишь покорно поклонился князю.

Всеслав отпустил всех собравшихся, и когда народ стал расходиться, епископ Никифор приблизился к князю.

– Какое у вас ко мне дело, ваше преосвященство? – устало спросил Всеслав.

– Ваша светлость осознаёт, что я не упомяну о его планах, но вынужден немедленно сообщить митрополиту о подготовке похода, а он в свою очередь предупредит киевского князя Изяслава, – с волнением сказал Никифор.

– Конечно, я всё понимаю, оповестить митрополита – это ваш долг, но это не имеет никакого значения, так как войско князя Изяслава находится вдали от новгородских земель и Ярославичи всё равно ничего не успеют предпринять, – ответил Всеслав.

Выйдя из терема, мой отец обратился к Ратимиру:

– Почему Вадил возразил князю, он что, не знал, чем всё это для него закончится? Ему ведь просто нужно было промолчать в конце, или он правда ненормальный?

– Вадил очень умён, иногда мне кажется, что слишком. Ты не смотри, что он ведёт себя как скоморох, Вадил получил хорошее образование и обучен сражаться, как закалённый дружинник. У меня есть только военное мужество для битв с внешними врагами, но Вадил обладает ещё и личной храбростью бороться со страхами и глупостью окружающих. Ничего, князь Всеслав вспыльчив, но отходчив, скоро он выпустит Вадила, – произнёс Ратимир.

– А что это за нелепый лук, из которого Вадил сегодня стрелял, я таких раньше никогда не встречал? – с интересом спросил отец.

– Он составной из дерева и роговых пластин, его купили у печенегов. Когда-то в союзном набеге с киевлянами отца Вадила поразила смертоносность этого оружия кочевников, и он решил, что его сын освоит убийство из подобного лука. Натаскивал Вадила, как луком пользо-

ваться, степной пленник, привезённый его отцом. Несмотря на странный вид, этот лук намного мощнее и точнее обычного, он оригинален, как и его хозяин. Помни, Горислав, не всё, что выглядит дурацким и смешным, является таковым в действительности.

2

В следующие два дня полоцкий князь был занят организацией нападения на Псков, потом было объявлено о созыве в Полоцке вече. Вадила продержали в порубе до окончания приготовлений и освободили.

Утро было на удивление тёплым и ясным, лучи солнца проникли в каждый закуток огромного города, где под невероятно чистым синим небом стояла уже привычная торговая суeta.

Годы спустя, сын князя Всеслава, Борис, рассказал мне, что в тот день ещё с рассветом князь Всеслав отправился к берегу Двины, откуда его на лодке перевезли на остров в монастырь. Недалеко от острова возвышался Софийский собор, но Всеслав предпочитал помпезной и величественной Софии скромную церковь Иоанна Предтечи. В этом небольшом храме были захоронены князь Изяслав Владимирович со своими сыновьями: князем Всеславом Изяславовичем, погибшим ещё ребёнком, и блистательным князем Брячиславом. С церкви Иоанна началось возрождение Полоцка, именно здесь Всеслав чувствовал необъяснимое присутствие безграничной высшей мудрости и непознаваемых духовных сил. Ставя тут свечи, князь молился и размышлял о прошлом и будущем Полоцка.

Всеслав сидел, глубоко задумавшись, когда послышались уверенные шаги и двери храма открыл Вадил.

– Ну как, порассуждал в темнице о жизни? – тихо и спокойно сказал Всеслав.

– Да, светлейший князь. Наказание было необходимым, наверное, даже недостаточным, я пересёк грань дозволенного на совете, – ответил Вадил.

– Послушай, Вадил, я понимаю твои опасения по поводу предстоящей кампании. Признаться, мне и самому не нравится вся эта затея, и решение далось мне очень нелегко. Но у меня просто нет выбора. Купцы не врут, над нашим княжеством нависла огромная опасность. Я считаю, что в эти сложные времена нам всем нужно держаться вместе, и я бы хотел, чтобы ты сопровождал меня в походе на Псков. Я знаю, что тебе это не по душе, и я не буду настаивать, если ты откажешься, – произнёс князь и внимательно посмотрел на Вадила.

– Чтобы ни случилось, я не оставлю вашу светлость в беде. Я стану верно служить вам на этой войне, – сказал Вадил. Всеслав ухмыльнулся и похлопал Вадила по плечу.

Внезапно зазвенел вечевой колокол Софийского собора, словно сама святая София призывала полочан к единству в трудный час. Народ потянулся к торговой площади Полоцка, Великому посаду. В числе горожан был и я с отцом. На специально сооружённом помосте я увидел князя Всеслава, облачённого проще, чем обычно, в добротный чёрный плащ – мятль. На ногах Всеслава были тёмно-синие шёлковые штаны, заправленные в высокие чёрные сапоги, на одежде полоцкого князя в этот раз не было ни узоров, ни украшений. Всеслав обратился к обывателям Полоцка, его речь гулко поднималась над посадом, заставляя полочан замолчать и затаить дыхание:

– Отважные жители Полоцка, вы те, на кого опирается процветание города, его величие и слава его. Вы мужественно сражались рядом с Брячиславом при Судомире и привели к покорности новгородцев и киевлян. Вы подчинили многие племена Прибалтики и в вашей власти все крепости от Кукенойса до Менска. Вы, прославившие, как народ справедливый, воззвавшие к Богу и получившие его благодать через строительство собора святой Софии. И я пришёл спросить у вас, чего желаете вы, так как враги посягают на честь земли нашей.

Полочане! Вы все ведаете о беззакониях, творимых на Руси Ярославичами. Подобно своему отцу, они притесняют младших братьев и устраивают бесчинства и гонения на порядочных людей.

Для вас не новость, что после победы Полоцка по мирному договору Брячислав и его потомки стали соправителями Киева. Однако когда мой отец умер, Ярославичи нарушили обязательства, не приняв меня новым соправителем, чем оскорбили Полоцк. У меня уже есть достойнейший из городов, и мне не нужен их Киев, но воспользовавшись молчанием Полоцка, старшие Ярославичи расправились с нашими союзниками.

Сегодня они пошли ещё дальше, они избили и ограбили полоцких купцов, чем открыто бросили нам вызов.

Забыли киевляне и новгородцы о битве при Судомире, о стойкости полоцких воинов. Ещё вчера они откупались от нас своими владениями, а сейчас они унижают наше княжество.

Полочане, мы слишком долго терпели преступления Ярославичей, приспел момент дать отпор обнаглевшему врагу и напомнить киевлянам и новгородцам – где их место.

Распря между Полоцком и Новгородом длится веками, и полоцкие князья: Рогволод, Изяслав и Брячислав, покровительствуют нам.

Наступает пора отмщения, и наш долг защитить город под знаменем Тимофея Полоцкого. Чтобы Ярославичи взгадали, что есть ещё сила на Руси, способная заступиться за правду.

Но чего же хотите вы? Мира или войны с Ярославичами?

Полочане, были настроены против Новгорода и Пскова, из-за слухов о нападении на полоцких купцов и мнения самых влиятельных людей города, с которыми Всеслав уже всё обсудил заранее. Но воззвание князя к горожанам, среди коих были ветераны, бившиеся при Судомире, – свидетели боевого триумфа Полоцка, привело полочан в неистовство. Поначалу из толпы периодически вылетали крики одобрения, а за вопросом князя Великий посад наполнился дружным гулом:

– Войны! Войны! Войны!

Всеслав улыбнулся, и его очи засверкали. Моё сердце бешено заколотилось, я огляделся вокруг и заметил горстку богачей, растерянно стоящих в стороне.

– Это новгородские купцы, – прошептал мне на ухо отец. Вдруг к ним приблизился Ратимир и поспешно их куда-то увёл.

– Бей купцов Ярославичей! – крикнул кто-то из толпы, и полочане бросились искать иноземцев, но Ратимир уже спрятал их всех по распоряжению Всеслава. Полоцкий князь хорошо знал, чего ожидать от своего народа. Цель вече была достигнута, начиналась новая война.

Глава 4. Ведьма

Отца разбудили ранним утром и сказали собираться в дорогу. Оружие осталось в хранилище, но отец надел, на всякий случай, кольчугу и отправился с князем. Всеслава также сопровождали Вадил и отряд дружинников во главе с Ратимиром.

– Куда мы направляемся? – осторожно спросил мой отец у Ратимира.

– К очень могущественной ведьме, её зовут Драгана. О ней давно рассказывали князю, и он решил, что наступило время её посетить, – ответил Ратимир.

– Именно для таких ситуаций я тебя, блохастого пса, и принял на службу, пусть нечисть столкнётся с нечистью, посмотрим, что из этого выйдет! – добавил Всеслав, повернувшись к отцу.

Жилище ведьмы оказалось в лесной чаще около города, и далеко скакать, к радости отца, не пришлось.

Отвратительная сморщенная старуха, вся в бородавках, покрытая то ли паутиной, то ли какой-то плесенью, с белым бельмом на левом оке, встретила всадников на пороге убогой лачуги. Её дом был даже не бревенчатым, его стены состояли из веток, обмазанных глиной. И хотя жилище находилось в достаточно сухом месте, оно было несколько приподнято над травой на четырёх столбах.

– Кто вы и зачем ко мне явились? – хриплым грубым голосом спросила Драгана.

– Я твой князь, правитель земель, на которых ты живёшь! – ответил ей Всеслав, подъехав чуть не в упор к ней.

– Ты князь? Чую, что-то в тебе не чисто! – произнесла ведьма, резко втягивая носом воздух и прищурившись, окинула взглядом Всеслава.

– Потрепись у меня ещё карга! – возмутился князь и дал знак ратникам взяться за мечи.

– Простите седую дуру, ваша светлость, – опомнившись и кланяясь, стала извиняться Драгана: – Заходите, я приглашаю вас в дом.

Всеслав успокоился, приказал воинам подождать снаружи и проследовал в лачугу. Он стремился говорить тихо, но отец обладал лучшим слухом, чем обычные люди, и в человеческом облике он уловил каждое слово князя.

– Намечается масштабная война, и я хочу заглянуть в будущее. Я слышал, что ты можешь это устроить, – изрёк Всеслав.

– Я вас поняла, у меня есть сбор из сушёных грибов и трав, вам необходимо будет его заварить в кубке. Выпив отвар, вы увидите грядущее, но секрет этого сбора утерян, и сохранившегося количества вам хватит лишь на один раз, – промолвила шёпотом старуха.

– Я заплачу тебе, сколько потребуется, Драгана, но ты должна мне дать больше такого средства, единственного шанса слишком мало!

– Светлейший князь, это всё, что есть. И я не владею тайной приготовления, подумайте, нужно ли оно вам.

Всеслав согласился. Вскоре он вышел из дома ведьмы со скромным мешочком в руках.

Князь, отец и дружинники развернулись двигаться в обратный путь. Внезапно провожающая Всеслава старуха обзрела спутников князя, снова вдохнула ветер и, остановив взгляд на отце, озлобленно закричала:

– Кто ты такой?

Здоровое око Драганы налилось кровью, и она спустилась с крыльца своего жилища.

Отец смутился, и тут ведьма с невероятной быстротой подбежала к нему и толчком заваляла отца на землю вместе с конём. Затем она одной рукой схватила отца за кольчугу возле сердца, а второй за кудри стащила его с упавшего коня и, тряхнув, швырнула отца чуть не на десять кладочных саженей. Клок его волос остался в кулаке старухи, звенья разорванной

кольчуги посыпались на мох, и, по воспоминаниям отца, если бы не доспех, Драгана наверняка убила бы его своими когтями.

Когда отец, шатаясь, поднялся с травы, в очах у него потемнело и начался гул в ушах. Он был безоружен, а воины, у которых можно было попросить меч или топор, находились слишком далеко. Всеслав и его люди были в ступоре, лишь Вадил улыбался и внимательно следил за происходящим.

– Как ты посмел прийти к моему дому? – продолжала вопить старуха, обнюхивая копну волос отца.

Затем она вцепилась в тяжёлую корягу, и, к удивлению князя и дружинников, вынула её с длинными корнями из земли. Ведьма направилась к отцу, и массивную корягу она держала легко и играючи, казалось, отец обречён. В этот момент Вадил достал из ножен меч и воскликнул:

– Уймись, старуха!

Голос Вадила отвлек Драгану, а когда она вновь повернулась к отцу, он уже успел обернуться. Огромный серый волк молниеносно бросился на ведьму и сбил её с ног. От удара громадных лап старуха выронила корч и, пролетев несколько саженей, стукнулась об один из столбов, на которых стояло её жилище. После силы словно покинули ведьму, Драгана приобрела скорчившийся и жалкий вид. Шокированная и контуженная, открыв очи, она увидела прямо перед собой оскалившуюся крупную хищную морду, слюна стекала из внушительной зубастой пасти, а жёлтые волчьи очи горели ненавистью. Ведьма растерялась и ужаснулась. Отец уже готовился сомкнуть зубы на её глотке и на этом оборвать жизнь мерзкой старухи, но тут вмешался пришедший в себя князь.

– Хватит! Что вы делаете? – закричал Всеслав.

Отец нехотя отпрянул от обидчицы. Драгана от слов князя тоже успокоилась.

– Я прошу вашу светлость, пусть оборотень никогда здесь больше не появляется! – произнесла, вставая, ведьма и скрылась в доме без дальнейших объяснений.

Отец оделся, осмотрел коня, после чего все всадники отправились в Полоцк. В дороге Вадил был весел.

– Крепкая карга, знали бы о таких способностях раньше, наняли бы её тягать плинфу для Софийского собора, а то лошади не справлялись. Может и прочие старухи в Полоцке лишь прикидываются немощными и ими можно заменить кобыл и грузчиков?

Нужно срочно подумать о том, чтобы принять её в войско. Лучница из подслеповатой ведьмы, конечно, никудышная, ещё ошибётся и своих перестреляет, зато на корабле погребёт за десятерых, только кто-то зрячий должен предупредить её, когда начнётся берег, а то ладьёй будем стучаться в полоцкие ворота.

А если эта седая оторва неожиданно нападёт на Новгород с дубиной, так и воевать не придётся, Новгород окажется разрушен, и с нас взять нечего. Объявим, мол, просто злая она в последнее время, и с головой у неё не всё в порядке, – с усмешкой сказал Вадил.

Затем Вадил обратился к моему отцу:

– Ну что, перевертыш, ты живой? Наверное, у ведьмы аллергия на запах псины. С другой стороны, найти хорошего пушистого зверя в лесах всё сложнее, а карга, видимо, мёрзнет в своём сарае зимой. Вот и решила тебя напугать, чтоб ты превратился в волка, а потом сладить из тебя тёплый воротник.

Вадил потешался над Драганой и отцом весь путь назад, развлекая князя Всеслава и Ратимира. Отец не обижался, ведь перед этим Вадил спас его.

Из всех возвращавшихся в Полоцк особенно ошарашены были дружинники. По приезду в город князь получил с них клятву никому не рассказывать о случившемся.

Глава 5. Триумф или крах?

1

В год 6573 от сотворения мира, князь Всеслав собрал отлично подготовленное и снаряжённое войско и отправился с ним в Псков. Князья Ярославичи были слишком заняты войной с Тмутараканью, чтобы остановить Всеслава. Кроме того, полоцкий князь пустил слух, что планирует поход на Новгород, и новгородцы мобилизовали ратников на оборону своего города, оставив путь на Псков открытым.

Зная, что Псков хорошо укреплен, Всеслав заранее нанял в Византийской империи специалистов по осадным работам. Моему отцу поручили сопровождать инженеров и снаряжение. Дорога оказалась очень долгой.

Когда византийцы, прибывшие с полочанами, наконец увидели Псков, они ужаснулись, и заявили князю, что город неприступен. Тем не менее, были сооружены тараны, вороны и приставные лестницы на колёсной платформе.

Построив ополченцев, Всеслав произнёс:

– Полочане, вся Русь наблюдает за тем, что здесь происходит. Ярославичи считают, что полоцкое войско уже не то, что прежде, что мы превратились в жалкое отребье и не можем себя защитить, а дни славы Полоцка навсегда в прошлом. Сегодня у вас появился шанс доказать всем, что это не так, продемонстрируйте этим трусливым тварям, на что мы способны, и пусть враги содрогнутся, узрев вашу силу и отвагу.

Воодушевлённые полочане окружили наиболее уязвимые части детинца и с яростными криками пошли на штурм. Но поднятие стенобитных машин на возвышенность под приличным уклоном снижало их эффективность. Кроме того, и сам подъём по скользкому склону был тяжёлым.

Псковичи с лёгкостью отбивали все атаки с крепостных площадок. В ратников Всеслава стреляли меткие лучники, полочан забрасывали камнями и обливали кипятком, полоцкие воины падали замертво или, истекая кровью, скатывались с косогора. Ответные действия полоцких лучников по псковичам редко приносили успех. Жители Пскова смеялись над Всеславом и осыпали его проклятьями.

Проваливался один приступ за другим, волны нападавших постоянно сменялись, полочане упорно делали всё возможное, но ничего не получалось. Первые несколько дней они ожидали, что вскоре захватят город и подбадривали друг друга. Но тянулись недели и, хотя полоцкие воины стойко переносили все тяготы, постепенно вера в победу начала их покидать. А потом люди всё чаще стали вспоминать, что Псков не такое уж богатое место, а дома в Полоцке у них много дел, и они терпят убытки, тратя время на войну.

Природа под Псковом запомнилась отцу туманной дождливой погодой и бедностью дичи в сравнении с лесами Полотчины. Сам город и его окрестности были наполнены атмосферой скудности и суровости. Псков, чрезмерно охраняемый для такого небольшого города, был символом бессмысленности кампании Всеслава в краях, где отсутствие трофеев сочеталось с необыкновенной воинственностью населения.

Однажды ночью Вадил, сидящий на берегу реки Великой, услышал какие-то шорохи. Развернувшись, он заметил недалеко от себя группу людей с ведрами, они, крадучись, приближались к реке.

Странное поведение воинов вызвало у Вадилы интерес, и, когда они зачерпнули воду и подались в сторону детинца, Вадил пошагал за ними. Ратники направились к растущему на

холме кустарнику и скрылись в нём. Обследовав заросли, Вадил обнаружил замаскированный подземный ход.

О своём открытии Вадил никому не сказал. И когда окончательно стемнело, он решил пробраться в Псков. Не стоит и говорить, как он рисковал, но в этом был весь Вадил.

Сняв доспехи и переодевшись в наряд попроще, Вадил взобрался на склон, к подкопу. Пройдя сквозь узкий туннель, он аккуратно высунулся из ямы за стены Пскова, стражи видно не было. Тогда Вадил поднялся наружу и двинулся прочь от хода.

– Кто здесь? – послышался голос из темноты, и Вадил различил приближающийся силуэт. Не растерявшись, Вадил вынул флягу с испорченным пивом из-за пояса и вылил её на себя.

– Подожди, кажется, мне плохо! – произнёс он сбивчиво и периодически икая.

– Ходит тут всякий пьяный сброд, убирайся! – рявкнул рассерженно охранник, и Вадил демонстративно шатаясь, скрылся во мгле.

Город Псков был полон суетой, мало кто из его жителей спал той ночью. На лицах псковичей читался страх, иногда ненависть. В одном из домов двери были открыты, и Вадил заметил там женщину, успокаивающую плачущего младенца. В этот момент Вадил резко толкнули и, споткнувшись, он упал. Вадил повернулся и разобрал, что его сбила роскошно облачённая красивая девушка. Невзирая на грязный вид Вадил и исходящий от него жуткий запах пива, она извинилась, помогла Вадилу встать и отряхнула его.

Вадил смущённо поблагодарил её, девушка улыбнулась ему, а затем удалилась.

Чуть дальше Вадил встретил группу очень молодых воинов, которые клялись друг другу сражаться за Псков до смерти. Напротив стояла изба, на её пороге, глубоко задумавшись, сидел старец, чем-то напominвший Вадилу его отца.

До утра полочанин обошёл почти весь город и вдоволь насмотрелся на осаждённых псковичей.

Назад к туннелю, избегая стражу, Вадил пробирался ползком. К счастью, его никто не поймал.

Вернувшись в полоцкий военный лагерь, Вадил долго размышлял и рассудил не сообщать князю Всеславу о подземном ходе.

Много лет спустя, когда Всеслав лежал тяжело больной перед кончиной, Вадил рассказал об этом случае князю, и Всеслав его простил. Ведая жёсткий характер князя, могу отметить, что это был мудрый поступок. Повинись Вадил в том, что обнаружил, как захватить Псков, и никого не оповестил, в дни молодости амбициозного Всеслава, вероятно Вадил казнили бы.

– Мне было жаль псковичей, я осознал, что это достойные люди. Кроме того, я считал, что уничтожение Пскова не соответствует главным целям города Полоцка и его моральному престижу. И хоть я тогда был всего лишь рядовым ополченцем, именно я решал: существовать Пскову или нет, – молвил как-то на пирушке Вадил.

Поскольку при своих знаниях видеть постоянную гибель полочан ему тоже было непросто, Вадил почти совсем перестал общаться с окружающими и сутками не выбирался из шатра.

Но напрасно он так волновался за псковичей, смелые ратники Пскова нашли в себе силы не только успешно защитить город, но и организовать вылазку в попытке поджечь стенобитные машины и убить князя Всеслава. Конное нападение псковичей застало полочан врасплох, и всё основное войско князя, включая Эстина и Ратимира, бросилось в отчаянной рубке спасать осадную технику. А пока полочане сдерживали неожиданный натиск псковской конницы, несколько наёмников выступили из города через подкоп и, проскользнув к шатру князя Всеслава, молниеносно перебили его охрану.

Снаружи раздались крики, и в шатёр заглянули суровые лица. По наглому поведению гостей княгиня Катарина поняла, что это ратники из Пскова, князя рядом с ней не было.

– Что у нас тут? Наверное какая-то знатная особа! – воскликнул один из четырёх ввалившихся воинов. Он был чуть выше остальных и, судя по кольчуге, богаче своих товарищей.

– Да это, видимо, княгиня. Надо взять её с собой и потребовать за неё выкуп! – добавил другой наёмник и обвёл шатёр взглядом.

– Увезти её в город мы всегда успеем, давайте перед этим развлечёмся с ней в лесу, а то в Пскове нам этого сделать с ней не дадут, а у меня давно не было женщин! – вновь заговорил рослый воин.

– Если Всеслав узнает об этом, он нас из-под земли достанет! – возразил третий ратник, складывающий княжеские вещи в мешок.

– Я лично собираюсь уехать в Польшу или в Византию после этой кампании, да и вас ищи как ветра в поле, Всеславу нас не настигнуть. Когда ещё вашим трофеем будет княгиня? – опять сказал высокий воин, и его спутники пожалы плечами.

Катарина прислонилась спиной к стенке шатра, сжимая кинжал, но её действия лишь рассмешили четырёх незваных гостей. Угрюмые ратники начали окружать княгиню, один из них с лёгкостью вышиб кинжал сапогом из её руки. Катарина закрыла очи от ужаса, её платье грубо разорвали, и в этот миг в шатёр размашистой походкой и в сияющих доспехах наведалься Эстин.

– Воюете с женщинами? По-моему, ваше общество неприятно княгине. Вы могли ограбить шатёр князя и скрыться с добычей до моего прихода. А теперь вы умрёте! – спокойно произнёс норвежец, гордо расправив плечи и ухмыльнувшись в предвкушении схватки.

Увидев Эстина, ратники Пскова побледнели и остолбенели в замешательстве. Они узнали этого легендарного варяга и поняли, насколько близки к смерти. Однако наёмники были не из пугливых.

– Конечно, ты известен на Руси, Эстин, но не слишком ли ты самоуверен, я казнил тмулараканских дружинников по приказу Ярослава Владимировича, неужели не справлюсь с каким-то викингом? – сказал наиболее рослый из псковских гостей.

– А вот я тебя не знаю, и мне плевать, кто ты! Если вместо судьбы воина ты выбрал роль палача, то ты обычное ничтожество и к тому же покойник, как и все вы здесь! – невозмутимо ответил Эстин.

Переглянувшись, четыре ратника разом напали на скандинава. В Эстина метнули топор, но норвежец отбил его, стремительно отскочил в сторону и боковым ударом снёс голову крайнему к нему наёмнику. Оставшиеся трое приятелей попятнулись назад, но затем снова вступили в бой. Пока двое из них в яростном порыве отвлекали Эстина, третий, самый высокий и наглый среди них, изловчился зайти к викингу со спины и попытался мечом заколоть норвежца.

Заметив опасность, грозившую Эстину, княгиня Катарина закричала, но варяг перехватил руку врага, держащую меч. Послышался хруст сухожилий наёмника, после чего Эстин его же рукой вспорол воина от живота до грудной клетки и оттолкнул. Убийца дружинников скорчился, захлёбываясь кровью, в ногах норвежца.

Вид крови привёл Эстина в неистовство, на его лице застыл оскал, а очи затуманились. Скандинав обрушился на уцелевших ратников, ускорив темп и силу ударов. Щиты псковских гостей разлетелись в щепки, и вскоре они оба пали, посеченные Эстином. Но викинг всё не унимался, продолжая рубить мёртвых наёмников, повторяя:

– Как вы додумались нагрянуть сюда, как вы посмели дерзить мне!

Лишь несколько минут спустя, Эстин пришёл в себя и сразу же направился к княгине.

– Вы в порядке, ваша светлость? Они не причинили вам вреда? – учтиво поклонившись, спросил варяг. Звеня его кольчуги отразили пробивающееся в шатёр солнце, Эстин вновь казался бесстрастным и величественным.

По лицу Катарина покатались слёзы, она прикрыла накидкой оголённую грудь, крепко обняла Эстина и прошептала:

– Я этого никогда не забуду, мой муж вас отблагодарит.

Эстин был давно не равнодушен к княгине, наслаждаясь теплом её тела, он прижался к её нежной щеке. В какой-то момент их объятия разомкнулись, а взгляды встретились.

– Это моя служба, и мне не нужно никаких наград от князя. Вот если бы я мог просить, вашу светлость, подарить мне какой-нибудь предмет, который бы напоминал мне о вас в далёких краях, – взволнованно ответил норвежец.

На пару мгновений Катарина замешкалась из-за незаурядного желания скандинава. Затем она открыла шкатулку с драгоценностями и, достав оттуда брошь, украшенную жемчугом и розовой лентой, передала её Эстину. Коснувшись холёной ладони княгини, норвежец широко улыбнулся и, снова поклонившись, покинул шатёр.

В этот же день князь Всеслав прислал Эстину мешок серебра.

Спустя три недели осады в районе курганов, находящихся возле Пскова, на закате начали показываться странные тёмные человекоподобные силуэты. Многие полоцкие воины даже утверждали, что слышали, как они о чём-то беседуют между собой. Но когда полочане к ним подбирались или пытались выстрелить в эти загадочные сущности из лука, силуэты растворялись в воздухе.

Представители церкви в полоцком лагере тут же вспомнили, что у полочан и псковичей общие предки, оба города основал древний союз племён – кривичей.

– Скорее всего, в курганах покоятся именно кривичи, и по сути, война князя Всеслава братоубийственная! – упрекнули князя они.

– Что ж эти братья легли под новгородцев и вместе с ними издевались над нашими купцами? – раздражённо спросил Всеслав.

Но каждый вечер тёмных силуэтов становилось больше, они перемещались всё дальше от курганов и даже начали навеваться в полоцкий военный лагерь. Священники читали молитвы и окропляли их святой водой, это помогало, но ненадолго. Исчезая от воды, сущности вскоре появлялись вновь.

Эти события, как и неудачные штурмы, производили угнетающее действие на полоцких воинов. Мой отец был свидетелем, как сын князя Всеслава Борис сообщил князю о желании полочан снять осаду и возвратиться домой. Такие разговоры приводили Всеслава в бешенство.

Вдобавок изменилось поведение княгини Катарины, она стала более задумчивой, терялась и краснела в присутствии Эстина. Конечно, князь понимал, что происходит, и переживал, но сделать ничего не мог.

В очередной пасмурный вечер под Псковом Всеслав крепко напился, сел в седло и, к ужасу полоцких ратников и удивлению псковичей, направился прямо к тёмным силуэтам. Князь не боялся нежити, и его верный конь, потомок диких лошадей из лесов, так же не дрогнул. Подъехав к существам из мглы, Всеслав покрыл их бранью, а затем обратился к ним нагло и разнузданно:

– Зачем вылезли? Может, вам чего-то не хватает в курганах, еды или серебра? Так подавитесь! – воскликнул князь, достал пару арабских дирхемов и швырнул их в силуэты, но монеты пролетели сквозь них и упали на траву.

– Не нравится серебро? Тогда отдавай стали! – с этими словами Всеслав вынул из ножен меч и, вклинившись в толпу обитателей курганов, начал рубить их, ворча:

– Твари, убирайтесь назад в свои земляные норы! Если будете путаться под ногами, то я разрою курганы, вытащу ваши останки и прикажу выставить их в поле отпугивать ворон!

Князь осыпал шептунов проклятиями и продолжал атаковать их, но клинок лишь проходил через них, не причиняя никакого вреда. В бессилии Всеслав побагровел от злости.

Тут, по воспоминаниям князя, один из силуэтов шагнул ему навстречу. Скакун Всеслава поднялся на дыбы и ударил его передними ногами, но тот не шелохнулся. Только в области сердца у этой сущности возникло какое-то переливающееся сияние. Подойдя ближе, словно

тень героя из прошлого, сгусток мрака взял коня князя под уздцы, и, к изумлению Всеслава, его конь угомонился. Потом гость из кургана наклонился к князю и сказал:

– Успокойся, брат!

А после все шептуны пропали, а ошарашенный князь развернулся и помчался в лагерь.

На следующее утро, когда мой отец развлекал Всеслава рассказами о своих скитаниях, шатёр князя посетили представители полоцкого купечества и Эстин. Увидев купцов, которые зашли и виновато опустили взгляд, Всеслав закричал на них:

– Чего нагрянули, тоже проситься в Полоцк? Не из-за вас ли я привёл сюда войско, разве не вы жаловались мне на Псков и Новгород?

Затем князь посмотрел на Эстина и надрывно произнёс:

– А ты, Эстин? Ведь ты подбивал меня на войну? А теперь что? Будешь скулить об отступлении?

После паузы купец нарушил тишину:

– Не гневайтесь, ваша светлость, но Псков нам не конкурент, а из-за затянувшейся войны мы не можем торговать. Если бы речь была об опустошении Новгорода, то стоило бы рискнуть и оставаться здесь до последнего, но даже занятие Пскова не покроеет наш ущерб.

– Светлейший князь, византийские специалисты и мои воины считают безнадежной осадой столь хорошо укрепленного места, мы и так потеряли из-за малого города изрядно времени. Многие оказались калеками или погибли, – спокойно произнёс Эстин.

– Глупцы, отойти, не покорив город, значит, проиграть и продемонстрировать нашу слабость врагу, – сказал Всеслав.

Затем князь выпроводил гостей из шатра, нехотя пообещав подумать о возвращении в Полоцк, и обратился к охране:

– Позовите ко мне Ратимира.

Вскоре Ратимир вошёл в шатёр, он единственный из окружения Всеслава ещё не выказывал негодования по поводу длительной кампании.

– Какие настроения в войске, Ратимир? – спросил князь.

– Люди недовольны, ваша светлость, и полагают, что война с Псковом бессмысленная, – холодно ответил Ратимир.

– А как ты сам относишься к этому?

– Мне всё равно, и если светлейший князь скомандует, я буду сражаться под Псковом хоть до конца жизни.

– Я не сомневался в твоей преданности, но меня интересует мнение старшего дружинника о продолжении осады Пскова, – с улыбкой сказал князь.

– Что ж, не сердитесь, ваша светлость, но измор крепости всегда сулит неприятности, он губит наше войско и подрывает его боевой дух. Кроме того, у нас на исходе провизия, придя сюда мы не учли скудности этих земель, и со снабжением вот-вот возникнут большие проблемы. Мне кажется, что полочанам пора идти домой.

Улыбка исчезла с лица Всеслава и он отпустил Ратимира.

Ночью отец встретил князя, обходящего лагерь. Всеслав посетил сотни обваренных и окровавленных ратников, стонавших от боли. Он увидел десятки свежих могил, обречённые и разочарованные лица полочан, отогревающихся у костра. Князю было над чем поразмышлять.

Наутро Всеслав построил полочан перед лагерем, день был необычайно ясный для дождливых окрестностей Пскова. Полоцкий князь сидел на коне, в короне, заказанной когда-то князем Брячиславом в честь обретения верховной власти в Киеве. Моему отцу, по приказу Всеслава, нашли самые блестящие доспехи в войске, дали в руки полоцкое знамя и послали к стенам Пскова. На нашем величественном штандарте, сверкающем под солнечными лучами, красовался вооружённый святой Тимофей Полоцкий, словно парящий над псковскими ветрами. Подойдя к городским воротам, отец объявил:

– Милостивейший князь Всеслав просил передать жителям Пскова, что он впечатлён, но не стойкостью псковских воинов, прятавшихся в городе, а лишь высотой укреплений Пскова. Мощными стенами, которые, учитывая вашу бедность, мог возвести только очень трусливый народ. Сегодня мы уходим, поскольку с вас, нищих и жалких, нечего взять, и мы не желаем тратить на вас недели. Но пусть эта ситуация послужит вам уроком, если вы и дальше будете грабить полоцких купцов, то мы вернёмся, и уничтожим ваш город. Скоро мы захватим Новгород и завладеем всем Новгородским княжеством, и тогда вы сами откроете ворота Пскова наместнику князя Всеслава.

Какой-то псковский лучник выстрелил в отца, но он быстро среагировал и уклонился от стрелы. После этого отец, с развивающимся знаменем, максимально выпрямился в сияющей кольчуге и, гордо подняв голову, – засмеялся. Тогда всё наше войско начало ликовать, поддерживая радостными криками удачу отца и решение князя Всеслава. Перед отбытием в Полоцк часть полоцких ратников поклонилась псковским курганам. Полочане были веселы, когда отправлялись в обратный путь, и лишь князь был тих и мрачен.

Так бесславно закончился поход на Псков, город, постоянно окутанный непроницаемым туманом, и такой же неприступный, как и мечта Всеслава о господстве на Руси.

Позже Вадил отыскал девушку, сбившую его в Пскове, и она стала его женой.

2

После возвращения в Полоцк Всеслав долго негодовал из-за провала под Псковом. Часто, пьянствуя в компании Ратимира, моего отца и приближённых дружинников, князь обвинял купцов в предательстве, иногда он обрушивался с бранью на скандинавов или укорял в обмане византийских специалистов. Он считал, что слава Полоцка погибла под Псковом, князь замкнулся в себе.

Однако как бы ни оценивал неудачу Всеслав, князья Ярославичи не могли себе позволить разом воевать с Тмутараканью и Полоцком и не устроили ответного нападения. В то же время новгородцы, до которых дошли новости о событиях под Псковом, сильно разозлились на полоцких купцов, вовсе выгнали их из своих земель и договорились с киевлянами о коммерческом противодействии Полоцку. Очередное столкновение Полоцка с Новгородом было неизбежно, и на небе появилась новая звезда, окружённая косматой красной гривой, будто предвещающей кровопролитие.

Наступал период экономического могущества Новгорода. За двухвековую яркую политическую историю жители Новгорода трижды приводили к правлению в столичном Киеве своих князей. Новгород опередил Полоцк, затеяв прежде полочан строительство громадного Софийского собора. Богатый и блистательный город, расположенный на реке Волхов, Новгород так же, как и Полоцк, являлся одним из главных портов Руси на торговом пути «из варяг в греки».

Практически перед очами Всеслава Новгород захватил основной поток поставки мехов в Западную Европу.

Узнав о выдворении его купцов, Всеслав обрадовался, в очах князя загорелась искра надежды:

– Наконец-то мы с ними поквитаемся, судьба даёт нам второй шанс! – с нескрываемым удовлетворением сказал Всеслав.

Князь прекратил много пить и начал готовиться к продолжению противостояния. В год 6574 от сотворения мира полоцкое войско было снова на марше, растянувшись колонной в несколько вёрст, оно напоминало гигантского змея, покрытого шипами копий, с переливающей серой чешуёй из кольчуг и шлемов. Дорога вновь выдалась нескончаемой, но ожидание реванша над новгородцами за последние годы унижений формировало в полочанах чувство участия в справедливой войне.

Полоцкие ополченцы мужественно терпели всю обременительность похода и, казалось, были даже довольны, что идут на ненавистный им Новгород. Ратники князя и люди Эстина заливались вином и веселились вовсю при остановках войска. Отец сидел у костра в компании Ратимира.

Кто не видел гуляний полоцкой дружины, тому не понять её особый дух, алкогольной праздности и ощущение искреннего братства с совершенно сумасбродным поведением под громкий смех и хмельные песни.

Сперва полочане напивались до состояния, когда уже с трудом держались на ногах. А затем организовывали состязания в езде на лошадях, стрельбе из лука по шлему, ставившемуся ратнику на плечо, и борьбе между собой в тяжёлом доспехе. Соревнования разбавляли захватывающими жизненными историями. Эстин и его ветераны тоже присутствовали на попойках, и викингам также было что поведать. И, конечно, дружинники развлекались со взятыми в путь девушками.

Музыка и крики наполняли края, где полоцкое войско размещалось на ночлег. Но уже приближаясь к владениям Новгорода, Ратимир и его воины вели себя гораздо тише.

Отец рассказывал, что в этом походе князь Всеслав, потягивая вино в своём шатре, как-то спросил его:

– Твоего сына зовут Светозар? Это редкое имя, отчего ты его так назвал?

– Светлейший князь, имя моего сына связано с богиней Ладой, – пробурчал отец и тут же запнулся, пожалев о произнесённом.

– Причём тут богиня?

– Когда я со своей беременной женой скрывался в лесу, она никак не могла родить. Тогда одна встречная старуха молвила, что неподалёку возле реки Ружанки расположено капище богини Лады, нужно принести ей жертву, и Лада поможет. От безысходности я провёл ритуал. И с закатом Снежану навестила молодая девушка со светлыми волосами и венком из цветов на голове, по словам жены, от тела незнакомки исходило тёплое свечение. Девушка приблизилась к Снежане, улыбнулась и, гордо подняв подбородок, сказала:

– Сына величай Светозаром!

Потом она засмеялась и дотронулась рукой до плеча моей жены, а после возвышенная красавица исчезла, и Снежана перестала чувствовать боль. Вскоре наступил рассвет, и когда лучи поднимающегося солнца коснулись жены, она родила сына. Позже старуха заявила, что появление богини – это небывалый случай, и ребёнку надо дать такое имя, как захотела Лада, тогда богиня будет ему покровительствовать.

– Ты утверждаешь, что Лада существует и она нагрянула к Снежане? Ну это уже слишком, я пусть и обладаю необычными способностями, но я христианин и не верю в языческих богов, более не смей при мне нести подобную мракобесную чушь. Твоей жене просто померещилось что-то в горячке! – закричал пьяный князь Всеслав.

– Кто знает, светлейший князь, – пробормотал отец, но, уловив гневный взгляд Всеслава, добавил, опустив очи: – На всё воля Божья.

Князь лишь ухмыльнулся и налил отцу новый кубок.

Во время этого похода князь Всеслав хитрыми манёврами умудрился обмануть Мстислава. Новгородцев предупредили, что полоцкое войско уже на их земле, но, как ни странно, найти его не получалось.

Вся игра закончилась тем, что новгородцы обнаружили полочан перед Псковом, на реке Черёхе.

Рать Новгорода не уступала полоцкой по размерам, новгородцами руководил князь Мстислав Изяславович, сын Великого князя Киевского. Именно князь Мстислав грабил полоцких купцов в последние месяцы, и все полочане его ненавидели.

Полоцкие и новгородские воины построились в боевой порядок на берегах Черёхи. Мстислав выглядел очень самоуверенным, что ещё больше злило полочан.

– Сейчас развлечёмся, – прошептал моему отцу Ратимир.

По приказу Мстислава, чтобы неожиданно напасть, новгородцы скрытно стали переплывать на противоположный берег ниже по течению. Но отлично организованные разъезды полоцкого князя заметили недругов и постоянно докладывали Всеславу об их нахождении.

При этом поначалу, полочане ничего не предпринимали, спокойно отсиживаясь в своём лагере. Только когда около четверти новгородских ратников перебралось, Всеслав подошёл к Ратимиру и сказал:

– Пора!

Потом всё полоцкое войско оставило лагерь и ускоренным маршем двинулось навстречу вражеской переправе. Немного погодя, негодующий князь Мстислав лишь беспомощно наблюдал за истреблением отрядов его воинов превосходящими силами полочан. Из перебросившихся на другой берег новгородцев спастись не удалось никому.

– Тоже мне, умник! – произнёс Ратимир после расправы.

Из-за понесённых потерь, Мстислав послал гонцов в Псков для набора подкрепления, однако сам он уйти никуда не мог, ему необходимо было не допустить подступа полочан к городу.

В полоцком лагере Всеслав отметил с Ратимиром, Эстином и Вадилом уничтожение части новгородцев. На пирушке Вадил предложил план будущих действий, который удивил князя. Было решено поступить по замыслу Вадила.

Новгородские ратники той ночью внимательно следили за полочанами, князь Мстислав лично проверял все посты. На супротивном берегу горели костры, они отражались в шлемах и кольчугах полочан, были слышны разговоры, различались перемещения воинов. Мстислав вздохнул с облегчением, полочане всё ещё перед ним, за рекой.

Каково же было изумление новгородского князя, когда в утреннем свете в полоцком лагере он увидел лишь горстку смельчаков, тушащих огни. Вместо многочисленных воинов Всеслава, там были охапки сухолома, выборочно одетые в доспехи.

Одним из гасящих костры был Вадил, подойдя к берегу, он закричал:

– Трепещите, новгородские псы, потому что теперь вы будете сражаться не только с полоцким войском, но и со мной.

Внезапно за спиной князя Мстислава загудели трубы и застучали барабаны. Со стороны Пскова появились организованные в боевой порядок отряды князя Всеслава. Новгородский князь ввергнулся в отчаяние, его люди оказались прижаты к реке, и никакой возможности для манёвра или отступления в город не было. Всё, что сумел предпринять Мстислав, это отдать приказ о срочном сборе.

Стычка полков началась с конной сшибки дружин и наёмников. Блистательные всадники Ратимира и варяги Эстина, сверкая кольчугами, накинулись на новгородцев и под звон мечей потеснили их. Профессиональные ратники Мстислава бешено сопротивлялись, но откатывались под яростным напором врагов. В какой-то момент гридни Новгорода дрогнули и один за другим бросились к строю своих ополченцев.

Победа дружины Всеслава воодушевила простых полоцких воинов, в момент схватки гридней и викингов лишь наблюдавших за происходящим.

Далее все полочане совместно атаковали смятый строй новгородского полчища. Новгородцы были хорошими воинами, но с ними не было талантливого Вадила и закалённых варягов Эстина. Вскоре установилось паническое бегство сотен ратников Мстислава, их преследовали и вырезали полочане.

Часть людей Мстислава попыталась перебраться на противоположный берег, но в толчее это было сложно сделать. Кроме того, стояла поздняя осень, и далеко не все ратники, очутив-

шиеся в холодной воде в полной амуниции, могли переплыть Черёху. Тех же, кто всё-таки умудрялся это совершить, уже встречал Вадил с отрядом полоцкой конницы.

Вадил разложил у воды хворост и солому, и когда новгородцы ринулись в реку, он поджёг береговую линию. Счастливики из ратников Новгорода, преодолевшие бурное течение и прорвавшиеся сквозь стену пламени, сразу попадали под удар отряда Вадилы.

Через какое-то время новгородцы осознали, что за Черёхой их ждёт смерть, спастись можно только в реке, и это ещё больше усилило переполох.

Отход гридей Мстислава нарушил ряды новгородских ополченцев, теперь они не были в состоянии эффективно обороняться. Эстин и его викинги обезумели, с диким рёвом они врезались в неуклюжую толпу новгородцев, прорубая себе дорогу. Эстин, чуть не на голову выше воинов Новгорода и практически неуязвимый для неопытных ополченцев, напоминал разящего бога из древних скандинавских мифов. Ратимир же действовал без воплей, гораздо более дисциплинированно, при этом не менее ловко разделяясь с врагами, однако по лицу старшего полоцкого дружинника было заметно, что и он вошёл в раж. С налёта Ратимир отразил нападение двух новгородских ополченцев, после чего расправился с ними и ещё тремя их товарищами. Люди Всеслава, озлобленные поведением новгородцев в недавние годы, бились с особой ожесточённостью.

Неистовство полочан резко контрастировало с растерянностью новгородцев.

Князь Мстислав, узрев разгром своего войска, замешкался, а затем сел в ладью и отчалил по течению реки.

Полоцкие лучники не доставали Мстислава, но Вадил со степным луком вполне мог с этим справиться и не собирался упускать такой шанс.

Рассмотрев удаляющегося новгородского князя, Вадил, подпаливая стрелы и прицеливаясь, стал стрелять по кораблю Мстислава.

Двое гридей Мстислава были убиты стрелами, на его ладье возник пожар, который приближённые новгородского князя, метаясь, старались остановить. Сам Мстислав согнулся в три погибели, осыпая бранью полочан и прячась за борт корабля.

Разглядев испуганного князя Мстислава, скрывающегося с поля битвы в ладье, князь Всеслав засмеялся и закричал:

– Куда же ты, Мстислав? Где теперь твоя самоуверенность? Это тебе не полоцких купцов избивать!

Новгородские ополченцы оказались рассеяны и частично перебиты – таким был итог, Новгород остался без защитников.

После разгрома врагов полочане спешно устремились к Новгороду. Князь Всеслав заранее заслал в город варягов, которые должны были выдавать себя за купцов, а в нужный момент вырезать караул и открыть главные городские ворота. Но Вадил выступил против нападения наёмников на стражу при осаде полочанами Новгорода.

– Увидев огромное иноземное войско, новгородцы будут вдвойне осторожны и усилят охрану. В Новгороде ещё достаточно ратников, чтобы справиться с горсткой скандинавов, и тогда город мы взять не сможем! – сказал Вадил и предложил незаурядный план действий. Князь опять похвалил Вадилу и согласился с его идеями. К людям Всеслава, ожидающим в Новгороде, послали почтовых голубей с новыми инструкциями.

Как только стемнело, к основным воротам Новгорода подъехало скопление полоцких воинов, держащее трофейный штандарт Мстислава. Руководил отрядом сам Вадил, он вступил в переговоры со стражей. Вадил утверждал, что сопровождавшие его ратники – это новгородцы, уцелевшие в сражении с полочанами. Караульных сбивал с толку мрак, знамя и то, что Вадил вёл диалог, очень правдоподобно пародируя голос новгородского воеводы. Умение подражать чужим голосам было одним из талантов Вадилы, и мой отец подумал, что есть что-то демоническое в этом полочанине.

Пока сбежавшиеся охранники пытались разобраться, кто у центрального прохода в Новгород, оборона по периметру стен ослабла. В это время к запасному въезду в город подтянулись варяги полоцкого князя. Изображая любопытных купцов, они неожиданно атаковали и закололи нескольких новгородских воинов. Затем викинги распахнули захваченные ворота, и полоцкое войско ворвалось в город.

Всеслав ликовал и светился от счастья.

– Вам нужен был Новгород, так берите его! Сегодня этот город с его золотом и жителями ваш! Отомстите новгородцам сполна, за всё, что они сделали Полоцку! – объявил Всеслав своим ратникам.

Среди воцарившейся в городе вакханалии грабежей и насилия лишь сам князь, его сыновья, Ратимир, Вадил и ещё пару десятков человек, включая моего отца, просто осматривали город.

Князь Всеслав вместе с Вадилом направился к новгородскому Софийскому собору. Вадил медленно обогнул храм, а потом спустился с коня и, перекрестившись, зашёл внутрь. По расчётам Вадил новгородский Софийский собор был немного шире полоцкого. Факт превосходства храма Ярославичей Всеславу сильно не понравился, и он позвал к себе представителя Полоцкой епархии.

– Кажется, у нас в Полоцке проблема с колоколами? – спросил князь у монаха.

– Да, ваша светлость, такая трудность с Софийским собором у нас есть, – ответил монах.

– Снять с новгородского храма колокола! Мы увезём их с собой в Полоцк! – приказал Всеслав дружинникам.

Распоряжение князя тут же исполнили, Новгород был унижен.

Ночью, после занятия полочанами города, начался необычный звездопад. Вдобавок распространились слухи, что кто-то из ополченцев встречал в городе святого Тимофея, бродившего по улицам и ругавшего полочан за разбой.

Эти толки устроили простых воинов, к тому же священники твердили о скором Конце Света. Узнав о волнениях, Всеслав лично двинулся к своему войску со штандартом и произнёс:

– Полочане, сейчас даже звёзды скатываются к вам в руки, – при этой фразе князь указал на небосвод, – Осуществилась ваша и моя мечта, мы отплатили врагам и вернёмся в Полоцк с внушительной добычей. Но вы получили гораздо больше, чем богатство и восстановление справедливости, сегодня вы обрели бессмертие и великую славу. И что бы дальше ни произошло, потомки навсегда запомнят, как вы отважно сокрушили новгородское войско и захватили Новгород. Ваши подвиги никогда не забудут. Так что же вы грустили, мои соотечественники? Новгород у ваших ног, развлекайтесь в своё удовольствие.

Полоцкие воины поддержали князя радостными криками и рассыпались по городу. Два дня продолжалось разграбление Новгорода под веселье и пьяную гульбу полочан.

На третий день резиденцию новгородских князей, где остановился Всеслав, посетил непривычно роскошно облачённый Эстин. Отца, как и всех из ближайшего окружения князя, также поселили в тереме. Когда Эстин явился к Всеславу, отец находился на приличном расстоянии от князя, и Эстин, видимо, решил, что отец ничего не услышит.

– Приветствую вас, светлейший князь, у меня есть к вам разговор! – несколько волнуясь выпалил Эстин.

– Что ж, молви, – пробурчал Всеслав, разглядывая красивый меч, инкрустированный драгоценными камнями, принесённый ему дружинниками.

– Я тут со своими ребятами посоветовался, что если вы назначите меня полоцким наместником в Новгороде? Самому мне такой город не удержать, но я пошлю за братьями и товарищами, и с вашей помощью, это будет возможно. Я предоставлю все льготы полоцким купцам и начну отправлять дань. Что скажете, ваша светлость? – сбивчиво произнёс обычно бесстрашный Эстин.

Ошарашенный и поражённый наглостью викинга, Всеслав чуть не выронил меч. Лицо полоцкого князя покраснело и исказилось от гнева.

– Да это твоя самая идиотская идея, вы, варяги, тупее селёдки, которую бесконечно жрёте в наскальных лачугах. Даже рассуди я разместить в Новгороде тивуна с гарнизоном, что неизбежно ввергнуло бы Полоцк в войну со всей Русью, неужели ты полагаешь, у меня не нашлось бы лучшей кандидатуры на эту должность, чем наёмник-иностранец? Это же Новгород, город, не уступающий Полоцку, ты возомнил себя равным мне, Эстин? Богатая одежда, ещё не делает тебя князем! А окажись я настолько глуп, чтобы выбрать тебя тивуном, да ты завтра же мне изменишь и вступишь в союз с Киевом, если тебе это будет выгодно!

– Хотелось бы упомянуть как пример вашей светлости его отца, князя Брючислава, который отдавал целую область Полотчины под власть скандинава Эймунда, когда основывал двор в Киеве. Ваш отец вверял норвежцу собственные земли, а я прошу чужой город, и под вашим контролем. Противостояние с южнорусскими князьями уже идёт, его начала можно не опасаться, и я считаю, что заслужил доверие. Коли светлейший князь откажется от этого предложения, я и мои воины немедленно покинем полоцкое войско, что существенно ослабит Полоцк, – уязвлённым тоном объявил Эстин.

– Ты ещё смеешь мне угрожать? Убирайся вместе со своими вонючими рыбаками, когда пожелаешь. Мне же лучше, в таком случае жалование за последние месяцы я тебе не выплачу. Что касается моего отца и Эймунда, то тогда варяги подсобили князю Брючиславу занять киевский престол. Эймунд был князем, спасшим Полоцк, и в управление получил только Браслав. Ты же всего лишь жалкий наёмник, и, учитывая твоё стремление сбежать во время войны, ещё и предатель!

От слов князя Эстин пришёл в ярость:

– Это мои люди открыли ворота Новгорода, вы ответите за свою несправедливость! – закричал викинг и, развернувшись, быстрыми шаркающими шагами двинулся прочь из резиденции. В этот момент, по сигналу Всеслава, один из гридней князя оглушил ничего не подозревающего норвежца. Эстин грузно рухнул на пол, после чего дружинники князя его связали и привели в чувство холодной водой.

– Думаешь, я не знаю откуда возникла твоя дерзость? Ты ведь замышляешь отбить мою жену? Обыщите его! – рявкнул Всеслав, и гридни, обшарив сопротивляющегося варяга, достали из его доспехов кошелёк с серебром, оружие и брошь Катарины.

Значит, это правда, – произнёс Всеслав, рассматривая брошь. Внезапно в покои нагрянула встревоженная княгиня Катарина и обратилась к князю:

– Что здесь происходит?

– Это твоё украшение? Говорят, пьяный Эстин похвалялся им перед своими людьми, и рассказывал о близости с княгиней, позорил меня и тебя! – произнёс Всеслав и вручил брошь Катарине. Взгляды Катарины и Эстина встретились, в очах варяга появилась мольба о незаслуженном прощении. Но будто какая-то связь между сердцами и душами Катарины и Эстина оборвалась, княгиня опустила очи и по её лицу покатились слёзы.

– Отныне мне с ним разговаривать не о чем! Отрубить Эстину голову! – приказал князь, его дружинники скрутили скандинава и поставили на колени.

– Нет! Ваша светлость, ради меня, пощадите его! – взволнованно закричала Катарина и схватила за рукав Всеслава.

На мгновение в тереме установилась тишина, затем князь придвинулся вплотную и наклонился к Эстину.

– Будь благодарен моей жене за то, что я сохраняю тебе жизнь! Ты предал и меня, и Катарину! А теперь выволоките эту мразь отсюда! – рявкнул Всеслав, и дружинники потащили связанного викинга из резиденции, по пути избивая его.

Потрёпанного безоружного норвежца выбросили за дверь, гридни князя разрезали верёвки и швырнули Эстина в лужу. Окровавленный варяг с трудом смог подняться. На крыльцо терема выскочила испуганная Катарина. Некогда блистательный щёголь Эстин, теперь грязный и в садинах, представлял собой жалкое зрелище. Но больше всего оскорбило норвежца то, что его унизили перед княгиней. После многолетней честной службы Эстина князь не дал ему шанса ни защититься, ни объясниться с любимой. Вслед за Катариной во двор нагрянул Всеслав.

– Убирайся! И чтоб я тебя никогда не видел! – заорал разъярённый князь.

– Однажды я ворочусь! – сказал Эстин и, хромая, удалился.

Потом Всеслава навестил озадаченный Вадил.

– Ваша светлость, нужно умертвить Эстина. В его команде есть новые воины, и я мог бы подкупить кого-нибудь из них. Дело, конечно гнусное, но это избавит нас от возможных проблем со скандинавами в будущем, – произнёс Вадил, взглянув на князя.

– Нет, Изяславичи так не поступают. Эстин был мне верен и спас Катарину, я отпустил его и не нарушу своё слово!

До того, как направиться домой, полочане по распоряжению князя Всеслава подожгли Новгород. Наблюдая высокое пламя, охватившее город, отцу вспомнились десятки пожаров и гонения, что он прошёл, и даже сейчас огонь сопровождал его. Ни к этому он стремился, когда пробирался в Полоцк.

Назад Всеслав возвращался уже без варягов, в Полоцке князя встречали и чествовали как героя, завоевавшего великую славу. Войско полочан вернулось в серебре и золоте. Вскоре увеличился и торговый поток купцов, которые предпочли отстраивающемуся Новгороду богатый и уютный Полоцк.

Однако, несмотря на ликование от одержанной над Новгородом победы, Всеслав задумывался о судьбе новгородцев. Это странно, но к старым проверенным врагам у людей складывается специфическое отношение. Они играют важную роль в нашем бытии, и зачастую не меньшую, чем друзья. Личные враги – они настоящие, без притворства и фальши, и ненависть к ним тоже яркая и искренняя. Борясь с ними, мы самоутверждаемся и находим своё место в мире, а, значит, недруги участвуют в нашем формировании, они часть нас самих. И, сокрушив их, таких понятных и знакомых, мы теряем толику себя, нашего прошлого и, осознавая это, вместе с радостью ощущаем и грусть.

К тому же полоцкий князь был праведным христианином, и успехи, достигнутые массовыми убийствами и жестокостью, он не считал нормальными.

Всеслав постоянно размышлял о Тимофее Полоцком, ругавшем полочан в Новгороде. После возвращения из похода князю стало некомфортно присутствовать в церкви Иоанна Предтечи, и в сердце Всеслава зародилось тревожное чувство подкрадывающейся катастрофы.

Глава 6. Река Немига – слёзы Полотчины

*А Немиге снопы стелют из голов,
молотят цепами булатными,
на току жизнь кладут,
веют душу от тела.*

«Слово о полку Игореве», перевод Лихачёва Д.С.

1

Беда была уже на пороге, менее чем через год Всеслав узнал, что тмутараканского князя Ростислава отравили византийцы. Половцы, к разочарованию полоцкого князя, так и не стали смертельной угрозой для степных границ Руси. Теперь Ярославичи были готовы выставить все свои силы против Всеслава.

Вскоре пришли новости об осаде города Менска огромной ратью южнорусских князей. Минск был очень важным торговым центром Полоцкого княжества, и Всеслав снарядил на выручку менчанам небольшой отряд конницы, во главе с Вадилом. Задача у Вадила была одна: задержать Ярославичей как можно дольше, пока полоцкий князь созовёт всё войско с окраин.

Вадил и тут показал таланты в полной мере. Построив сельских стариков и девушек в боевой порядок и одев находящихся по краям колонны в доспехи, он с полоцкими всадниками приблизился к городу Менску под звуки труб и барабанов. Но как только Вадил встретил дозор Ярославичей, он тут же распустил крестьян по домам, а сам спрятался в лесной глуши. Киевские и новгородские разъезды сообщили южнорусским князьям, что заметили, как надвигается значительная полоцкая рать, и новгородский князь Мстислав подтвердил, что от полочан стоит ждать чего угодно. Ярославичи потратили два дня на поиски воинов Всеслава, но, естественно, никого не нашли.

К сожалению, Вадил не сумел спасти Минск, этот город был обречён. Ярославичи спалили Минск дотла, менских воинов перебили, а женщин и детей забрали в рабство. Тогда Вадил ворвался ночью в лагерь недругов, поджёг их обоз, освободил пленников и часть телег с провизией умудрился увезти с собой.

Без провианта наступление на Полоцк было невысказано, но когда Ярославичи послали своих людей за съестными припасами в окрестности Менска, местные жители и воины Вадила их всех уничтожили. Неуловимой разящей тенью отряд Вадила вился вокруг иноземцев, оставаясь вне его досягаемости.

Пару недель спустя Вадилу передали, что подходит князь Всеслав с полоцким войском, и он поскакал к князю. Всеслав собрал кого только смог из подвластных ему городов и племён Прибалтики. Сеча состоялась через три дня после объединения с Вадилом.

Обе рати развернулись возле реки Немиги, они насчитывали тысячи воинов, но количество людей Ярославичей в два с лишним раза превышало численность полочан и балтов. Всеслав, видя гибельность этой брани для его княжества, отправил к южнорусским князьям дружинника с предложением мира и откупа.

Из трёх Ярославичей лишь средний по старшинству, правитель Чернигова – князь Святослав, склонялся к переговорам, но его братья, Изяслав и Всеволод, отказались от перемирия и отрубили голову представителю Всеслава.

Полочане удивились такой жестокости, и среди них воцарилось негодование. Всеслав был разочарован и приказал полочанам устраиваться к бою.

Был сильный снегопад, и войска различали лишь очертания друг друга. Глядя на вьюгу, рисующую в небе таинственные фигуры, варяги заявили, что их боги уже здесь и будут наблюдать за схваткой.

Опять сражение началось со стычки гридней и наёмников. Возможно, в тот момент полоцкий князь пожалел, что вёл себя так жёстко с Эстином, так как викинги, прибывшие из крепостей Полоцкого княжества, и неиспытанные скандинавы явно уступали молодцам Эстина. И все же рубка была отчаянной, Всеславу казалось, что Ратимир сгинет под натиском сменявшихся волн вражеских гридней. Но каким-то чудом Ратимир умудрялся отбивать все атаки и выходить из окружения, покидая на траве всё новых смелых воинов. Однако силы были не равны, и скоро варяги полоцкого князя дрогнули и попятились назад, а полоцкая дружина дралась отважно, но таяла перед очами.

– Если гридней перебьют, мы проиграем битву, – задумчиво сказал Всеслав и распорядился о нападении ополченцев.

Организованной линией полоцкие копейщики врезались в дружинников союза иноземцев. Гридни и викинги Ярославичей откатились, и тогда киевский князь Изяслав скомандовал о выступлении большей части общего войска. Ополченцы южнорусских князей двинулись на полоцкую рать стенами, по впечатлениям моего отца, превышающей полочан вдвое. Тут войско Всеслава начали оставлять воины Прибалтики, после чего людей полоцкого князя стало чуть не в три раза меньше атакующего врага. Предводители прибалтийских племён селов, латгалов и земгалов заранее условились, что если сеча окажется кровопролитной, они не сложат головы за интересы Полоцка.

Всеслав помолился, а затем обратился к полоцкой рати:

– Братья полочане, чтобы ни случилось, сохраняйте строй и дисциплину. Помните, что перед вами всего лишь трусливый сброд. Повторения судьбы Рогволода здесь не будет, наша смерть дорого обойдётся Ярославичам!

Ополченцы Всеслава и южнорусских князей сошлись, и началась рубка. Но напрасно князь Изяслав шутил о безнадёжном положении полоцкого князя. Вскоре улыбка исчезла с лица Изяслава.

Опытные и хорошо подготовленные пехотинцы Полоцка, считавшие войну с Ярославичами справедливой, не спешили отступать. С яростным напором полочане вклинились в полки недругов, численное превосходство людей трёх братьев ничего не давало, поскольку задние шеренги не могли помочь пехотинцам, стоящим впереди. Войско южнорусских князей остановилось, а потом их воины из первых рядов стали падать замертво один за другим.

Перед полочанами были их исконные враги, вторгшиеся на их родину. И полоцкая военная машина, созданная ещё князем Брючиславом, продемонстрировала всю свою мощь. Полочане смеялись и подбадривали друг друга, призывая киевлян и новгородцев подойти.

Ужасающий звук ломающихся костей разнёсся по берегу Немиги, казалось, людей Всеслава ничто не сдержит, и в рати Ярославичей возникла паника.

Попытки обойти полочан с флангов, также ни к чему не привели, полоцкая конница отразила рейд киевлян.

В какой-то момент победа полоцкого князя была уже близка. Тогда Изяслав направил в бой оставшиеся отряды воинов. Подкрепление южнорусских князей оттеснило полоцких гридней и стало окружать войско Всеслава.

– Не унывайте, полочане, ударим люто, звезда Полоцка ещё не закатилась! – воскликнул Всеслав и бросился на лошади в самую гущу схватки.

– Князь с нами! – раздались радостные крики полоцких ополченцев.

Войско Всеслава усилило натиск, гул воинов и звон железа смешался с воем пурги. Полочане умирали, но и потери рати южнорусских князей были страшными.

– Да из чего сделаны эти полочане, в столь безвыходной ситуации, как у них, мои люди уже давно бы разбежались! – сказал князь Изяслав.

– Не наговаривай, Изяслав, наши ратники всё ещё могут так поступить! – произнёс черниговский князь Святослав. В отличие от своих братьев, Святослав был против грабежа полоцких купцов и даже предлагал признать Всеслава номинальным соправителем Киева, выполняя договор с Полоцком. И теперь этот князь не хотел длительной войны с Всеславом, ведь у ворот Чернигова были половцы, только и ждущие отсутствия князя.

Через некоторое время рать Ярославичей начала брать верх над полочанами. Как бы ни были смелы и стойки воины Полоцка, в столкновении с такой разницей в количестве, да к тому же со свежими силами Изяслава, они не имели шансов на победу.

Все полочане включились в бой вместе с Всеславом. Отец орудовал копьем среди пехотинцев, Ратимир отчаянно защищал знамя, Вадил бился с киевской конницей.

Но переломить ход битвы было уже нельзя, Всеслав мог лишь наблюдать, как погибают те, кто в него верил. Весь цвет полоцкого войска, дружинники и ветераны Судомира, молодые горожане и наёмники – все держались храбро, но не могли соперничать с ополченцами всей Руси.

Снег невесомой тканью метели укрывал полочан и их недругов, лежащих возле сияющей, хрустальной речки Немиги. Сотням воинов было уже не суждено подняться с белого зимнего полотна, покрытого кровавыми узорами отваги, похожими на орнаменты полоцких ручников.

Отец впоследствии вспоминал, что на бранном поле у Немиги полочане расставались с жизнью очень мужественно. Они осознавали самопожертвование в этом сражении, как обязанность для счастья своей Родины. И, умирая, ратники Полоцка были среди товарищей.

Но в этих бескрайних однообразных снегах по-настоящему одиноким являлся Всеслав, нёсший на себе тяжесть вины за произошедшую катастрофу.

Полоцкий князь рубил головы со стойкостью обречённого, и около его лошади уже стала складываться гора трупов. Но киевские гридни повысили напор на полоцкого князя и стянули его на траву, а какой-то знатный киевлянин оглушил Всеслава булавой. Узрев своего князя, валяющимся на земле, полочане озверели и оттеснили воинов южнорусских князей от Всеслава.

Ратимир с дружинниками пробился к полоцкому князю, Всеслава разместили на повозке и начали увозить с поля боя.

Ратимир и Вадил посовещались и решили, что битва проиграна. Вадил затрубил, давая сигнал к отступлению, теперь каждый спасался, как мог.

Киевский князь Изяслав, заметив Всеслава, покоящимся на телеге, снарядил большой отряд, чтобы захватить его.

Ратимир с Вадилем и моим отцом отъехали лишь на несколько сотен кладочных сажень, когда услышали стук копыт и увидели приближающуюся группу всадников южнорусских князей. Ратимир и полоцкие гридни понимали, что с телом Всеслава уже не успеют никуда сбежать.

– Ну что, братья, не дадим князя в обиду! – обращаясь к людям Всеслава, сказал Ратимир.

Ратников, охранявших Всеслава, было мало, но никто не собирался бросать князя, полочане готовились к смерти.

Им казалось, что всё кончено, но из леса неожиданно выскочили вооружённые балты, те самые воины из племён Прибалтики, которые скрылись в начале сечи Всеслава с Ярославичами.

– Выручай князя, Ратимир, а мы остановим ваших врагов! – произнёс сын вождя селов по имени Гутувер.

– Чудной народ эти балты, но что-то достойное в них всё же есть! – пробурчал тогда мой отец.

С яростным криком воины Прибалтики обрушились на преследующую Всеслава конницу. Звон стали и жуткие возгласы оставались где-то позади, а вскоре и полоцкий князь пришёл в себя.

2

– Как вы посмели забрать меня? – возмутился, очнувшись, Всеслав.

– Светлейший князь, пока вы живы, есть и надежда полочан на победу, и возвращение славы и величия нашему городу! – взволнованно молвил Ратимир.

– Глупости, Полоцком руководили бы мои сыновья, а я должен был умереть у реки Немиги вместе со своими людьми. Как мне отныне смотреть полочанам в очи? Матерям и жёнам убитых, ты подумал, Ратимир?

Но по прибытию в Полоцк никто не обвинял князя, полочане толковали, что Всеслав сделал всё возможное и чуть не пал сам в сражении. Ситуация выдалась сложной, нужно было восстанавливать войско, на тренировку которого требовалось время, обозначилась необходимость нанять новых варягов и пополнить дружину. Но скандинавы не спешили поступать на службу к Всеславу из-за отчаянности его положения. С ополчением также возникли трудности, слишком велики были людские потери.

Ярославичи после столь кровавой битвы не отважились направиться в Полоцк. Сами братья рассудили, что Всеслав действительно талантливый полководец, а полочане – хорошие ратники. Как ни странно, но после столкновения у Немиги, авторитет полоцкого князя на Руси значительно вырос.

Киевский князь Изяслав придумал тактику постепенного разграбления полоцких земель частыми вторжениями без крупных сражений, Святославу и Всеволоду этот план понравился.

Следующий период стал особенно тяжёлым для Всеслава, постоянно приходили вести о бесчинствах Ярославичей на Полотчине. Всеслав ничем не мог ответить, отец негодовал, что тогда князь вновь начал много пить.

Вдобавок в лесах около Полоцка завёлся огромный чёрный вепрь, который стал докучать жителям сёл. По описаниям свидетелей, он был более двух кладочных сажень в длину и весил не менее трёхсот килограммов. Крестьяне пробовали убить его, но ничего не получалось. Наконец этот зверь начал так мешать полочанам, что на него пожаловались князю.

Охота на вепря несколько отвлекла Всеслава от его проблем, князь явно повеселел. Организовав отряды из ополченцев и взяв с собой дружинников, Всеслав двинулся в погоню.

Вепрь как раз разгуливал в окрестностях Полоцка. Общее дело сплотило князя и народ после недавнего поражения. Всеслав, одетый в сверкающие доспехи, в сопровождении своих гридней выследил зверя, но, заметив приближающегося князя, вепрь бросился бежать. Тогда Всеслав натравил на него лаек, они были местной породы, выведенной ещё кривичами века назад. Князь сиял от счастья и торопил дружинников в предвкушении добычи:

– Наглая лесная тварь, нападать на моих подданных? Я тебя зарублю, затем поджарю и угощу тобою всех нищих Полоцка. Иной участи ты не достоин, как быть съеденным лентями и попрошайками. Пускай они помнят, что порядок и достаток идут рука об руку.

Под крики гридней, топот лошадей и лай собак вепрю каким-то чудом удалось скрыться от преследования в туманной чаще. Конечно, со зверем в итоге разобрались бы, но у князя возникли задачи поважнее.

Вскоре через полоцкого епископа поступило предложение Ярославичей о заключении мира.

– Я не доверяю этим псам, они не в состоянии вести длительную войну с Полоцким княжеством из-за половцев и постараются захватить меня в плен! – прокомментировал Всеслав послание, переданное епископом.

– Ярославичи поцеловали крест о том, что вы будете в безопасности! Кроме того, ваша светлость видимо не понимает всей безнадёжности ситуации, Полоцкое княжество разорено, и, боюсь, у вас нет выбора, – возразил епископ.

– А если они потребуют земли? Такие вопросы я не могу обсуждать без своих сыновей! – стал спорить Всеслав.

– Пусть ваша светлость едет с наследниками, Ярославичи не нарушат клятвы, церковь гарантирует полоцким князьям защиту!

После долгих уговоров епископа Всеслав согласился положиться на слово врагов. Князь отказал Ратимиру и Вадилу, порывавшимся отправиться вместе с ним, было решено, что Ратимир и Вадил будут управлять городом. Отец также остался в Полоцке и дальнейшие события знал из рассказов княжича Бориса.

Встреча была назначена возле крепости Орши, на берегу Днепра стояли разноцветные громадные шатры Ярославичей, чуть колеблющиеся на ветру.

Когда полоцкий князь с сыновьями, епископом и охраной переплывал на лодке Днепр, был уже вечер. Красное солнце, опускающееся за горизонт, отражалось алыми проблесками на волнах. Сухие травы отбрасывали длинные мечущиеся тени, день отступал, отдавая мир во власть ночи и тьмы.

Всеслава встретил с ехидной улыбкой киевский князь Изяслав. Странное поведение Изяслава насторожило полоцкого князя. Изяслав поприветствовал Всеслава, княжичей и епископа, а потом лично проводил их. Но как только полоцкие князья заглянули в шатёр, на них накинута варяги и дружинники Ярославичей. Люди Всеслава, попытавшиеся подоспеть на помощь князьям, пали в схватке с киевлянами.

– Лживые гады! Вы не отличаетесь от своего отца, предателя! – рявкнул Всеслав, которому даже не позволили вытащить меч, намертво скрутив его.

– Это беззаконие, вы преступаете клятву! – сказал, протестуя, полоцкий епископ.

– Ваше преосвященство, мы верны слову, князь с преемниками будет в безопасности, и я не ведаю места, защищённее киевского поруба, – с усмешкой произнёс Изяслав.

Полочан повезли в Киев, где заточили, как и обещал киевский князь.

Попав в яму, Всеслав уловил загадочные шорохи, но в темноте было ничего не различить.

– Да это никак сам полоцкий князь, из-за коего нас сюда бросили! Как нам сегодня повезло, теперь он ответит за всё! – прогремел жуткий надрывный голос.

– Борис и Давид, подойдите ближе! – жёстко сказал Всеслав княжичам. В кромешной мгле завязалась драка, и полоцкий князь с сыновьями не уступил узникам.

– Хватит, князь спасал свою родину и сражался достойно. Простите их, ваша светлость, мы ратники князя Мстислава, и нас посадили в поруб из-за поражения на реке Черёхе, – молвил уже другой сиделец, и стычка прекратилась.

– Кто ты такой? – обратился Всеслав к вступившему за них заключённому.

– Меня зовут Милослав, я киевлянин и был старшим дружинником князя Мстислава. Сейчас мы все в одной яме и должны научиться выживать вместе.

Всеслав сел на глиняный пол и прислонился к дубовой стене, ему было о чём подумать. Из могущественного властителя он превратился в невольника. Его княжество обнищало, а большая часть войска была уничтожена. Ярославичи могли ликовать.

3

Тянулись недели и, казалось, что о Всеславе уже все позабыли. Через несколько месяцев ожидания во мраке полоцкого князя начали доносить непонятные шумы, а Борис и Давид жаловались на какие-то яркие вспышки и резко сменяющиеся друг друга жар и холод.

– Это всё из-за длительного нахождения в темноте, ваша светлость! Когда долго пребываешь без света, что-то происходит с разумом. Я тут поразмыслил, а что, если всё, что видят святые и монахи, все эти ангелы, Иисус Христос или Богоматерь, наставления, что они слышат, и чудеса, которые якобы творят, – это от того, что у них не всё в порядке с головой. Когда-то я размещал раненых при монастыре и насмотрелся на сумасшедших военных ветеранов, я знаю, о чём говорю.

Как достигается связь с потусторонним миром? Изоляцией от людей, строжайшим постом и воздержанием, бесконечными молитвами, страданиями, поруб по сравнению с этим мелочь, что хочешь можно узреть, – объяснял Милослав.

– Не святотатствуй, Милослав! – пробурчал Всеслав.

– И всё равно, это как с нечистой, многие о ней рассказывают, но я как ни старался, ни разу её не встречал. На Руси ходят толки, что вы, ваша светлость, и гуслиер Боян, обладающий лучшим слухом, чем обычный человек, – волколаки. Подобные истории лишь байки психов и трусов, – рассуждал Милослав.

Тут у полоцкого князя возникло желание обернуться зверем и продемонстрировать заносчивому киевлянину, что всё устроено сложнее, чем тот себе представляет. Но вообразив последствия перекидывания, Всеслав сдержался.

Вскоре полочанам, томящимся в порубе, князь Изяслав лично сообщил, что его сын Мстислав, бывший князь Новгорода, теперь руководит Полоцком.

Это было правдой. Когда киевское войско подошло к стенам Полоцка, и потребовало принять своим правителем князя Мстислава, полочане посоветовались с епископом и Ратимиром и открыли Мстиславу ворота в обмен на заверения не нарушать традиций и соблюдать законы Полоцка.

Мстислав писал отцу в Киев о том, что Полоцк очень богатый и хорошо укрепленный город и не проигрывает его былой вотчине – Новгороду. Мстислав сомневался, что ему удалось бы захватить такой город, если бы полочане сами его не пустили.

Мстислав также передавал, что полоцкий Софийский собор, хотя и меньше новгородского по размерам, но плинфа для него изготавливались в специальных разборных формах. Это обстоятельство поразило Мстислава, в послании он отмечал, что с такой технологией не сталкивался ни в Новгороде, ни в Киеве, а ведь в этих городах также работали византийские мастера по последним достижениям зодчества. Но технология изготовления плинфы в Киеве и Новгороде была более примитивной.

Полоцкие лучники, по утверждению Мстислава, являлись одними из лучших на Руси. В целом он был доволен Полоцком – городом, без сомнения, прогрессивным, вот только его жители показались князю проще и суровее новгородцев и киевлян.

Несколько месяцев просидел Всеслав в порубе со своими сыновьями. А в это время Вадил, отец и Ратимир с полоцкими гриднями втайне собрали с полочан деньги и отправились в Киев.

Двор полоцких князей в Киеве, основанный ещё полоцким князем Брячиславом, состоял из ряда теремов, где поселялись полоцкие купцы, а местные управленцы отвечали за интересы Полоцка в Киевщине.

Группа всадников, облаченных в чёрную одежду, поверх которой звенела кольчуга, приехала в Киев под вечер. Проехав через весь город, наездники добрались до двора Брячислава, затем они спешили и постучались в его ворота.

– Кто вы такие? – спросил здоровенный стражник, преградив полочанам дорогу.

– Я Ратимир – старший дружинник полоцкого князя Всеслава, а со мной гридни князя и его приближённые. Мы хотим встретиться с тивуном двора Брячислава!

– Подождите здесь, мне необходимо о вас доложить, – удивлённо произнёс охранник. Потом он исчез, и вскоре к Ратимиру вышла процессия озадаченных людей. По их убранству

отец решил, что это очень обеспеченные купцы. Ратимира и полочан поприветствовали и пригласили зайти в здание, после чего один из хозяев двора обратился к гостям:

– Меня зовут Роман, я тивун полоцких владений в Киеве, мне сказали, что вы дружинники князя Всеслава и желаете меня видеть!

Тут Ратимир вынул из-за пояса кинжал и оглушил рукояткой стоящего рядом стражника. Затем он схватил левой рукой Романа за воротник, прижал его к стене, а правой рукой жёстко приставил клинок к шее тивуна. Спутники Романа застыли в оцепенении и ничего не предприняли, возможно, их остановил свирепый облик полоцких гридней, потянувшихся за оружием.

– Ну что, продажная крыса, вот и настал твой час! – рявкнул Ратимир, приподнимая от земли Романа.

– Что вам нужно? Я всего лишь тивун! – воскликнул Роман, и по его лицу ручьями потёк пот.

– Да какой из тебя к чёрту тивун, если его светлость уже полгода томится в порубе у тебя под носом, а ты даже не попытался ему помочь? Грязный пёс, да ты должен валяться в ногах у князя, за то, что он оставил тебе жизнь, когда киевляне не признали князя Всеслава соправителем Киева. Полоцкий князь был настолько милостив, что дал тебе возможность практически бесконтрольно грести под себя золото от его имени. И где твоя благодарность? Веселишься и ведёшь торг с врагами Полоцка? – при этих словах Ратимир стал нажимать лезвием, размещённым плашмя, на горло тивуна чуть сильнее, причиняя Роману жгучую боль.

Из очей Романа покатались слёзы.

– Пощадите меня! – закричал ошарашенный тивун. Ратимир резко отпустил его, и Роман упал на колени. Скорчившись, с жалким видом, тивун начал оправдываться, прерываясь на стенания:

– Я виноват, но как я мог выручить князя? Изяслав держит нас под присмотром и грозит казнить за малейшее подозрение в измене его власти. Я верен Полоцку и сделаю всё, что прикажете!

– Встань с колен, Роман, отныне ты служишь мне и князю Всеславу и гляди, если обманешь меня, то умрёшь медленной и мучительной смертью! – молвил Ратимир, подбирая тивуна.

После Ратимир, Вадил и Роман обсудили тактику действий: купцы из двора Брячислава попробуют подкупить охранников. Роман будет всячески убеждать знатных киевлян, обещая им внушительную награду, что князя необходимо выпустить. На взятки и другие расходы Ратимир привёз Роману четыре десятка мешков серебра.

Также Вадил и Ратимир допускали нападение на караул поруба, как крайний вариант вызволения Всеслава.

Теперь оставалось только ждать. Роман поселил полочан в постройках для купцов. Отец просидел в Киеве несколько недель в предвкушении удачного момента для освобождения князя. Но Роман посоветовал полоцким дружинникам не появляться в городе, поэтому Киев отец так и не посмотрел. Дела протекали неважно, многие киевские купцы соглашались с Романом, но помогать Всеславу отказывались, боясь гнева Ярославичей. Ратимир и Вадил готовы были предпринять что угодно, вплоть до убийства киевского князя, но тут в их планы вмешались половцы.

Прорвав пограничные укрепления, кочевники вторглись в русские земли. На реке Альте, под городом Переяславлем, звероподобных половцев, одетых в шкуры, встретило войско южнорусских князей. В короткой, но очень кровопролитной битве, полки Ярославичей были рассеяны. Отступившие в Киев князья Изяслав и Всеволод не стали ничего объяснять его жителям.

Над Киевом стучались тучи, начинался дождь с ураганным ветром.

Киевляне считали унижением проиграть кочевникам, и ещё больше их возмутило, что князь Изяслав смирился с поражением.

Зазвенел вечерней колокол киевского Софийского собора, этот колокол иногда также предупреждал о пожаре в городе, и отец тогда подумал, что его звук обычно предвещал неприятности.

На вече разгорелись споры, киевляне позвали на него Изяслава и потребовали раздать им оружие и организовать новый поход.

– Вы собрались мне указывать, как вести себя с половцами? Они кровожадны и смеются перед собственной смертью. Я только что с ними сражался, чудом вернулся и не буду возвращаться в степь. Кочевники пограбят и уйдут, затем уж решим, как наладить оборону, а сейчас выступить против их бесчисленной орды – это верная гибель, – оправдывался Изяслав, обращаясь к жителям Киева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.